

First love

Вумма

Линдер

Last love

СТЕНА
Между нами

Витта Линберг

Стена между нами

<https://litres.ru/73321371>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она уехала, когда он её полюбил.

Он выбрал деньги, когда она вернулась.

Шесть лет назад Вероника променяла Макса на московскую зарплату и мамину ипотеку. Он остался в Зеленоградске с букетом полевых цветов в одной руке и разбитым сердцем в другой.

Теперь она вернулась — открывать книжный магазин. Он открывает кафе. Спасибо ироничной судьбе, идеальное помещение в центре города ровно одно.

Выход? Возвести стену.

Книжный — слева, кафе — справа, общий вход и ненависть друг к другу.

План проваливается в первый же месяц.

Потому что стена не спасает от его ревности, когда очередной ухажёр помогает ей красить стены.

Потому что бетон не заглушает звук её смеха за витриной.

Потому что у него есть Кристина, дочь его инвестора, и она считает себя его девушкой.. Теперь его очередь выбирать между чувствами и финансами.

Они застряли между прошлым и настоящим.

Романтическая комедия о вторых шансах, вкусных завтраках и тотальном неумении разговаривать о чувствах.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Увольнение	12
Глава 2. Дом, милый дом	16
Глава 3. Встреча	25
Глава 4. Начало поисков	30
Глава 5. Первый ход	33
Глава 6. Перемирие, которого не будет	40
Глава 7. Цена вопроса	47
Глава 8. Общая граница	53
Глава 9. Новые условия	60
Глава 10. Кристина	70
Глава 11. Цвет пожарной машины	76
Глава 12	84
Глава 13. Тяжелая артиллерия	91
Глава 14. Опоздание	101
Глава 15. Температура и прочие неприятности	108
Глава 16. Тестовый завтрак и другие испытания	115
Глава 17. Стеллажи и прочие неприятности	128
Глава 19. Кино, попкорн и прочие недоразумения	139
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Витта Линберг

Стена между нами

Пролог

Вероника пришла домой уставшей. Занятия в университете её вымотали. Она зашла в квартиру за минут десять до прихода матери, с которой они жили вдвоём. Быстро соорудив несложный ужин на двоих, она села за обеденный стол и уставилась в окно, где за стеклом медленно гасли последние краски заката.

Каждый вечер они ужинали вместе, болтали о том, как прошёл день. Но сегодня маме не нужно было даже что-то говорить — Вероника чувствовала тяжесть в воздухе, густую и липкую, как засахарившийся мёд, что не сходит с ложки. Мама разговаривала о работе слишком бодро, глаза её бежали.

— Мам, рассказывай, я же вижу, что у тебя кусок в горло не лезет.

— Вероничка, я... ох...

Её взгляд был виноватым и отчаянным. Она отставила тарелку, и фарфор жалобно звякнул о стекло.

— Ну же, мам.

— Я не знаю, что делать. В общем, со следующего месяца

моя зарплата будет ниже. У нас там пересмотрели премии...

Вероника нахмурилась, с минуту пыталась понять, насколько всё плохо. Она видела цифры ещё до того, как мама их назвала — в дрожании её рук, в том, как она избегала смотреть на счет за коммуналку, лежавший на краю стола.

— И сильно урезают?

— Мне не хватит на ипотеку.

Вилка выпала из рук Вероники на стол, звонко ударившись о стеклянную поверхность. Звук был таким же хрупким и окончательным, как их спокойная жизнь.

Вероника была против покупки этой квартиры в новом доме, потому что стоимость была настолько высока, что она просто не поняла, как мама сможет потянуть эти платежи, с учётом, что Вероника училась на дневном отделении и у неё просто не было времени на подработку. Но Анна Михайловна так сильно влюбилась в эту квартиру, что просто не слушала никакие разумные доводы. Продажа их старой квартиры покрыла только половину стоимости. «Мы справимся!» — говорила мама тогда. «Мы» означало «я», поняла Вероника сейчас.

Вероника смотрела в испуганные глаза матери, а её сердце сжималось, будто в тисках.

— Я что-нибудь придумаю.

В тот день она не могла уснуть до самого утра, просматривая объявления о работе. Но та работа, которая приносила деньги, не позволяла совмещать с учёбой, а там, где был

подходящий график, платили так мало, что это вообще не решало проблему. Страх, холодный и рациональный, полз по спине. Он пах пылью и одиночеством.

К утру в рациональном и уставшем мозгу Вероники созрел план. Если ей всё равно придётся бросать университет, так стоит это сделать хотя бы ради бóльших денег, чем предлагает Калининград. План был простым, как гвоздь в крышку гроба: уехать, зарыться с головой в работу, забыть. Обещания самой себе, что это ненадолго, звучали фальшиво даже в её собственной голове.

Поэтому все следующие дни она посвятила тому, чтобы найти работу и дешёвое жильё в Москве. Она действовала на автопилоте: отправляла резюме, вела короткие переговоры по скайпу, как будто готовила доклад. Только по ночам автопилот отключался, и накатывала тихая паника.

Уезжать из родного прибрежного города было болезненно. Здесь были её друзья, с которыми она дружила с самого детства, здесь всегда было к кому прийти поплакать или посмеяться. Здесь пахло морем и детством.

А ещё был Максим. Он не был парнем Вероники, но между ними всегда была особая искра. Та, из-за которой замирает дыхание, когда в комнате только вы двое. Та, которую отчаянно игнорируешь, потому что боишься всё испортить. С ним было как дома, только лучше — потому что дома бывает тяжело, а с ним — никогда.

Вопрос с переездом решился так быстро, что пока она за-

крывала вопрос с учёбой и жильём, Ника просто не успела рассказать ничего ни Максиму, ни Марине — её ближайшей подруге. Она откладывала этот разговор, как самую страшную экзекуцию, придумывая себе оправдания: «Вот улажу все формальности — и скажу». А формальности множились, а слова застревали в горле комом.

И вот за день до отъезда, когда она сидела с телефоном в руках, набираясь сил, чтобы позвонить кому-то из них и рассказать о стремительно сменяющихся планах на жизнь, раздался звонок в дверь.

Вероника не ждала гостей. Сердце ёкнуло — глупо, иррационально, будто почувствовало беду.

Когда она открыла дверь, за ней стоял Максим Романовский. Он тяжело дышал и переминался с ноги на ногу, будто только что пробежал марафон, а не поднялся на третий этаж. В руках он сжимал маленький, нелепый букетик полевых цветов.

— Макс? Что ты здесь делаешь? Хотя, знаешь, хорошо, что ты зашёл. Я хотела с тобой поговорить.

— Вероник. Погоди, сначала я, — он словно запыхался, и голос его срывался. — Не могу больше.

— Лааадно. Пройди же внутрь.

Максим сделал решительный шаг в квартиру и прикрыл дверь. В прихожей стало тесно от его присутствия, от запаха ветра, солнца и чего-то безнадёжно родного.

— Вероник, я всё думал, думал. Каждый день. Я больше

не могу молчать.

— О чём?

— О нас. Я знаю, ты не можешь не чувствовать, что между нами что-то происходит. В общем...

Макс обхватил лицо Вероники ладонями, тёплыми и немного шершавыми, и немного неловко коснулся губами её губ. Не встретив сопротивления, он углубил поцелуй. Сердце Вероники выскакивало из груди; этот поцелуй был так ей приятен, что она плавилась в его руках. Это было похоже на падение и на возвращение домой одновременно. Мир сузился до точки соприкосновения губ, до стука двух сердец в унисон. Он остановился, прижался лбом к её лбу, закрыл глаза и зашептал:

— Я влюблён в тебя. Давно и так сильно, что больше не могу.

В эту же секунду с губ Вероники слетело, словно сорвавшийся с цепи камень, убивающий всё на своём пути:

— Я переезжаю в Москву.

— Что?

Максим отпрянул от неё, как от огня. Его лицо стало пустым, а в глазах проступило непонятное, медленное понимание.

— У нас возникли финансовые трудности, я решила бросить универ и уехать зарабатывать деньги.

— Вероник... Девочка моя, нет... Это шутка? — Его голос был хриплым.

Столько отчаяния и боли в глазах Максима Вероника не видела никогда. Казалось, он вот-вот развалится на куски прямо здесь, в её прихожей.

— Макс, прости. Господи, это худший момент. Я не хотела... Я не знала, что ты...

— Не уезжай, мы что-нибудь придумаем. Вместе. Я помогу. Я всё сделаю. — Он схватил её руки, сжимая так, что кости неприятно хрустнули. В его голосе была мольба, которую она не могла вынести.

— Прости, мы изучили все варианты. Остался только один.

— Нет-нет-нет. А как же мы? Только что... Ты ... Я...

Он искал в её глазах подтверждения, спасения, но находил только ту самую железную, страшную решимость, которая и погнала её в Москву.

— А мы справимся. Переживём, — выдохнула она, и слова прозвучали как самая чудовищная ложь на свете. Они не справятся. Она это знала.

Вероника коснулась щеки Макса, и кожа под пальцами была горячей и влажной. Одинокая слезинка скатилась с её глаз. Она была солёной на вкус, как море, которое она оставляла позади.

— Просто скажи, мои чувства взаимны?

— Да. Больше, чем ты думаешь.

Она видела, как в его глазах вспыхивает последняя, хрупкая надежда.

— Тогда мы можем попробовать отношения на расстоянии. Мы будем постоянно созваниваться, прилетать друг к другу. Я буду каждые выходные. Я клянусь.

Вероника молчала. Она знала, что этого не будет. Она знала про график, который ей прислали, про сверхурочные, про долгий и дорогой путь. Она знала, как быстро стираются в памяти голоса и запахи. И она знала, что, сделав этот шаг, она уже не имеет права тянуть его за собой в свою липкую, тяжёлую бездну. И от этого всё становилось ещё хуже.

— Не можем, — прошептала она, и голос её был тихим и безжизненным. — И не будем.

Она видела, как надежда в его глазах гаснет, как льдинка на раскалённой сковороде. Как его лицо застывает в маске не то ужаса, не то ненависти.

— Понятно, — сказал он глухо, отступая к двери. — Тогда прощай, Вероника.

Он не хлопнул дверью. Он закрыл её очень тихо. И этот тихий шелчок прозвучал в её жизни громче любого грома.

На пороге квартиры остался лежать маленький букет полевых цветов.

Глава 1. Увольнение

6 лет спустя.

Вероника в очередной раз взъерошив свои обычно строго уложенные волосы, посмотрела на своего начальника.

— Сколько? Вы издеваетесь? То есть вместо того, чтобы отпустить меня в согласованный ранее отпуск, вы ещё и план мне повышаете?

— Вероника Сергеевна, вы в конце концов руководитель отдела продаж. Я думаю, вы должны понимать уровень ответственности перед коллективом. Сейчас не время для отпусков или отгулов.

О, Вероника прекрасно понимала уровень ответственности. Она узнала об ответственности всё в свои девятнадцать лет. То есть с того момента как поняла, что в их неполной семье из двух человек она больший родитель, чем мама. Ответственность, обязательства, гарантии и другие прелести взрослой жизни с ипотекой, которую взяла её мама, а выплачивать по итогу пришлось ей самой.

Вероника судорожно выдохнула, обвела взглядом ультрасовременный офис. Стекло везде и всюду. Они даже сидят в небоскрёбе, что со стороны улицы выглядит как заколдованная башня и самый большой страх астматика.

— Вероничка...

Эта манера произносить имя напомнила девушке обраще-

ние к нерадивому ребёнку. И это только сильнее злило, заставляя душу бунтовать.

— Во-первых, Вероника Сергеевна!

— А во-вторых?

— Если я сказала, что уезжаю, значит я уезжаю.

Для обозначения серьёзности намерений, Вероника Сергеевна ткнула пальцев в идеально отполированную поверхность стола. Очевидно, у её босса какая-то маниакальная любовь к отражающим поверхностям.

— Ну что ж. Жаль. Тогда пиши заявление по собственному. Отпущу сразу. Даже можешь не отрабатывать две недели.

Внезапно даже для самой Вероники, ей вдруг стало легче дышать. На всякий случай, она даже посмотрела на кондиционер, но тот по-прежнему был выключен, ни впуская ни грамма свежего воздуха. И пока начальник не передумал, девушка резко развернулась и стремительно покинула кабинет. Сохраняя каменное выражение лица, решительность и твёрдую походку, она помчалась в свой офис, чтобы написать заявление на увольнение.

И вот спустя каких-то сорок минут, зажав в руке подписанное заявление Вероника Сергеевна Воскресенская покинула стеклянную башню, оставив дракона на 47 этаже. И впервые за последние пять лет подняла лицо к солнцу. Она разглядывала улицу вокруг себя будто увидела её впервые. Вихрь воздуха поднял вверх её длинные волосы, защекотал щёки.

— И когда успела начаться осень? — Вероника прошептала сама себе под нос.

— Так дня три назад, — со смешком бросил прохожий и тут же растворился в толпе.

Не спеша Вероника пошла по тротуару, разглядывая окна, редкие деревья. Местами листья начали желтеть. Она следовала уже привычным маршрутом в сторону съёмной квартиры, но уже не спеша как это бывало обычно. И она позволила себе даже больше. Приблизившись к кофейне, в которой день за днём брала себе крепкий эспрессо каждое утро, она смело открыла дверь. Бариста, завидев уже знакомое ему лицо, потянулся к крохотной чашке, но вдруг замер.

— Я знаю это выражение лица, — его голос звучал настороженно и немного испуганно. — Блаженное, расслабленное и даже немного растерянное. Так не выглядит ни один сотрудник в этих башнях.

— Юра, какой ты пронизательный. И что же значит моё выражение лица?

— Ты уволилась, — Юра ответил тихо, будто боясь спугнуть, а может и подкинуть идею своему напарнику.

Вероника ещё не до конца осознавая происходящее, кивнула.

— Уволилась. Так что давай-ка мне прощальный молочный коктейль.

Когда 6 лет назад она только устроилась в фирму, она брала капучино или латте в кофейне неподалёку, но к тому

моменту, когда открылась эта кофейня, Вероника перешла на неизменный горький эспрессо. Казалось, что на его фоне каждодневная рутина, стресс не будут казаться такими невыносимо отчаянными.

— Я буду по тебе скучать, мой маленький трудоголик.

Бариста приготовил коктейль, Вероника бросила несколько купюр в вазочку с надписью «Коплю на море».

Обнявшись напоследок, бывший руководитель отдела продаж покинула кофейню, улицу, а вскоре и город.

Глава 2. Дом, милый дом

"Дамы и господа, наш самолёт заходит на посадку в аэропорту Калининграда. Просим вас пристегнуть ремни безопасности, привести спинки кресел в вертикальное положение и убрать столики."

Радостное волнение прошло по всему телу Вероники. Она даже немного заелозила на сиденье, не в силах справиться с эмоциями.

— Волнуетесь? — соседка заботливо обратила внимание на взбудораженную девушку.

— Да.

— Боитесь приземлений?

— О нет. Просто я не была дома слишком давно. Не меньше, чем пару лет. — Родные, наверное, очень по вам скучают.

— Я уверена, что да.

Мысль о встрече с мамой подтолкнула её к этому взбалмошному и вынужденному решению. Она не могла не прилететь — её мама выходит замуж. В пятьдесят лет Анна Михайловна встретила любовь, а Вероника в стремлении заработать побольше, итак, пропустила всё на свете. Но свадьбу она никак не могла пропустить..

Теперь же мысль о маме подгоняла её в стенах аэропорта. Скорее бы получить багаж. Подталкивая чемодан, Верони-

ка поспешила в зону встречающих. Издалека завидев светлую макушку матери, она ускорила, а затем и вовсе бросила чемодан и побежала по широкому проходу в её раскрытые объятия. Как только она оказалась в облаке маминого запаха, серьёзная леди Вероника Сергеевна превратилась в маленькую девочку Вероничку. И это превращение было таким болезненным, что слёзы хлынули сами.

— Доченька!

— Мама...

Она разревелась, прижавшись лицом к её плечу, и не сразу заметила статного мужчину рядом, который нервно дёргал ворот рубашки.

— Вероничка, дорогая, познакомься. Это мой Стёпа. Степан Алексеевич, — глаза Анны Михайловны светились любовью при взгляде на своего избранника.

— Приятно познакомиться лично.

— И мне, Вероника, и мне. Давайте же мне ваш чемодан, и поедем.

Дорога в Зеленоградск заняла сорок пять минут. Мама выспрашивала все детали, будто не слышала их в день увольнения по телефону. Вероника отвечала автоматически, глядя в окно на мелькающие сосны. Здесь ничего не изменилось. И это было самым страшным — она изменилась до неузнаваемости, а мир её детства застыл, будто дожидаясь, чтобы тыкнул ей в лицо: «Смотри, что ты потеряла».

Квартира встретила их тишиной и... пустотой. Вероника

сразу заметила: тумба в прихожей не заставлена парфюмом, на крючках нет маминого пальто.

— Вероник, ты уже девочка у меня взрослая, — мама заговорила неловко, переминаясь с ноги на ногу. — Мы со Степаном поговорили... Ты одна будешь жить здесь. Я к нему переехала на прошлой неделе. Ты заслужила эту квартиру больше, чем кто-либо.

Вероника улыбнулась. Это было странно — после стольких лет самостоятельной взрослой жизни она почувствовала настоящее взросление именно сейчас. Дом, в который она всегда могла приехать, где её ждали, где пахло мамиными котлетами и безопасностью... Теперь это была просто квартира. Скопление стен и воспоминаний, которые больше никого не грели.

— Я поняла, — сказала она тихо.

Она была искренне рада за маму. Но тёплая грусть всё равно оставалась на душе. Она вернулась домой, но дом тоже изменился.

Оставшись наедине с гулким эхом своих шагов, Вероника попыталась взять себя в руки. Настала пора навёрстывать упущенное. Разобрала чемодан с одеждой, развесила всё в пустые шкафы, расставила парфюм и побрела на кухню. Хлопнув дверцей полупустого холодильника, она проверила время. Правила приличия выдержаны. Пора.

Девушка набрала номер своей многолетней подруги Марины. Её сонный голос, однако, звучал раздражённо.

— Кто бы это ни был, молитесь, чтобы я вас не убила этим субботним утром.

— Ой, — вырвалось у Вероники. Она совсем забыла, что сегодня выходной.

— Варенье? — Марина с сомнением позвала её по детскому прозвищу. В трубке послышались шорохи и вздохи.

— Это ты?

— Я в Калининграде.

— Что?! — звонкий возглас оглушил Веронику. — Ты в Кёниге? Божечки! Ты у мамы?

— Да. Только без мамы и еды. Выручай. Может, отведёшь куда-нибудь позавтракать?

— Конечно! Дай мне двадцать минут, и я буду готова!

Прежде чем положить трубку, Вероника услышала громкий стук и смачное ругательство. Через сорок минут Марина ворвалась в квартиру и стиснула её в объятиях, рискуя сломать пару рёбер. Любовь к давней подруге не утихла даже спустя многие километры расстояний между ними.

Марина внимательно разглядывала лицо подруги, её волосы и фигуру будто сравнивала до и после. А рассмотреть было что. Веронике повезло с генетикой: она переняла от мамы золотисто-коричневые глаза, её же изгиб ресниц. Внешний угол её глаз был слегка опущен, делая взгляд немного печальным, если девушка не улыбалась. Но в минуты, когда на её губах появлялась широкая улыбка, её скулы, напоминающие яблочки, делали взгляд сияющим. Живя в Москве, Ве-

роника не раз задумывалась о том, чтобы сделать пару укольчиков красоты в свои губы. Но так и не решилась, поэтому смогла сохранить природное пухлое сердечко по центру, что образовывалось, когда она слегка вытягивала губы.

— Что ты наделала со своими волосами?! — возмутилась Марина. Вероника рефлексивно коснулась прядки волос у лица.

— А что с ними не так? Это очень модное окрашивание.

— Во-первых, какая разница на моду, когда ты закрасила в тёмный свои золотистые пряди! А во-вторых, они же были длиннее сантиметров на тридцать!

В голосе Марины было столько возмущения, что она могла вот-вот взлететь, словно героиня мультфильма. Но, к неудовольствию Вероники, подруга была права. Хотя сейчас её волосы и были ниже плеч, но раньше они касались поясницы и часто собирали больше комплиментов, чем что-либо в её образе.

— Мари, прекращай ворчать. Это мои волосы. И мне некогда было делать многочасовые маски на эту длину.

— Ясно, — буркнула Марина недовольно, но в её глазах мелькнуло что-то вроде жалости.

— Ладно, пойдём позавтракаем. Освежись хоть немного.

— Куда идём? — Вероника облегченно вздохнула, что вопрос закончился.

— В «Бриз»! Там круассаны просто божественные, — Марина уверенно повела её по знакомой улочке в сторону на-

бережной. — Там и поболтаем. Ты же мне должна миллион часов отчёта о своей жизни.

«Бриз» оказался уютной кофейней с видом на море. Пахло свежей выпечкой и молотым кофе. Пока они ждали заказ, Марина не сводила с подруги изучающего взгляда.

— Ладно, с волосами я тебя пока помиловала. Но признавайся сразу: что случилось? Ты не просто на свадьбу приехала. Что-то не так. Я это по глазам вижу.

Вероника вздохнула, обхватив чашку с латте, чтобы согреть озябшие пальцы.

— Я уволилась. Окончательно и бесповоротно. Правильнее будет даже сказать, что меня попросили... А вообще... Устала, Марик. Устала от стеклянных башен, от цифр вместо людей, от чувства, что я живу чужую жизнь.

— И что будешь делать здесь?

— Не знаю. Отдышусь для начала. А потом... Может, своё дело маленькое открою. Я накопить успела.

Глаза Марины загорелись.

— Своё дело? Серьёзно? Ой, а знаешь, кто ещё своё дело затеял? Максимка!

Сердце Вероники ёкнуло, будто её легонько ткнули иголкой в самое старое, давно зажившее, но всё ещё чувствительное место. Она сделала глоток кофе, чтобы выиграть секунду.

С момента его признания прошло долгих шесть лет. Она просто не знала, как себя вести рядом с ним, поэтому избе-

гала по максимуму всех возможных встреч. А это было очень сложно, если учесть, что Ника так и не рассказала Марине о том, что между ними с Максом произошло.

Они виделись. Конечно, виделись. На дне рождения Марины, случайно на улице, когда она приезжала на пару дней. Он кивал. Вежливо здоровался. Но ни разу никто из них не задал друг другу ни одного вопроса. Когда он смотрел на Веронику, его глаза были пустыми и невидящими, как заброшенный колодец. Это было в тысячу раз хуже, чем если бы он кричал или обвинял. Он просто стёр её из своего настоящего. Но обижаться на это было бы странно. Ведь Вероника сделала то же самое.

Максим был старшим братом Марины Романовской. А из-за разницы всего в три года, девочки не редко проводили время вместе с ним. И пока для Марины он был вечно досаждающим братаном, для Вероники он навсегда остался Максимкой — единственным человеком, рядом с которым она чувствовала себя и абсолютно безопасно, и безумно весело одновременно. И к кому она впервые испытала романтические чувства.

— Макс? И что же он затеял?

— Кафе хочет открыть! Настоящее, крутое. Он уже инвесторов нашел, проект продумывает. Всё серьёзно. Говорит, устал по чужим офисам шляться, хочет свое место.

«Своё место». Фраза отозвалась в Веронике болезненным эхом. Ей тоже нужно было своё место, где она чувствовала

бы себя как дома, а не как в стеклянной башне.

— Молодец он, — выдавила она нейтрально. — И где же это кафе будет?

— Место ищет! — Марина оживилась ещё больше. — Говорит, присмотрел уже что-то на Центральной. Идеальное, говорит, помещение. В этот понедельник даже с собственником встречается, чтобы детали обсудить. Если всё сойдётся — будет у нас тут звезда ресторанного бизнеса!

Центральная. Идеальное помещение. Мысли Вероники метнулись к тем нескольким адресам, которые она сама мысленно наметила ещё вчера, листая сайты с коммерческой недвижимостью. Их было немного, таких — с характером, в хорошем месте. Слишком мало, чтобы не столкнуться.

— Он... не говорил, где именно? — осторожно спросила Вероника, и внутри всё похолодело.

— Фиг его знает, — Марина махнула рукой, беззаботно откусывая круассан. — Он сейчас всё больше в планах, цифрах. Но место, говорит, мечта. Такое, за которое и драться не жалко.

— Здорово, — прошептала Вероника, глядя в свою чашку. Ей вдруг показалось, что латте горчит.

— Ага! — Марина, ничего не подозревая, с удовольствием допивала капучино. — Кстати, ребята сегодня вечером футбол гоняют собираются. Макс будет. Давай сходим? Сюрприз ему устроим! Он же не знает, что ты тут!

Старый страх, знакомый и липкий, сдавил горло. Видеть

его. Сейчас. Было за гранью её сил. Хотя она прекрасно понимала, теперь, когда она приехала не на денёк-другой, а навсегда, им нужно снова выстраивать отношения.

— Мари... Я с дороги. Давай в другой раз? Голова раскалывается, — она приложила ладонь ко лбу, и это не было полностью ложью. Ударная волна от возможного столкновения уже гудела в висках.

— Ну ладно, — Марина легко согласилась. — Но завтра — железно! Я тебя познакомлю с его друзьями, а то ты тут никого не знаешь теперь.

Когда они вышли на улицу, ветер с моря рванул навстречу, резкий и солёный. Вероника машинально окинула взглядом знакомую улицу, как будто впервые видя её не как родной пейзаж, а как коммерческий проект. Каждое пустующее окно, каждая табличка «Сдаётся» теперь выглядели не просто возможностью, а миной замедленного действия.

Он ищет идеальное место. И она ищет идеальное место. В маленьком городке идеальных мест на двоих не бывает.

Ветер снова донёс запах водорослей и свежей выпечки.

Добро пожаловать домой, Вероника, — ехидно прошептал ей на ухо внутренний голос. — Здесь тебя ждёт не только прошлое. Здесь тебя уже поджидает будущее.

Глава 3. Встреча

Суббота выдалась на редкость тёплой и солнечной для начала сентября. Воздух пах морем и детством — тем самым запахом, от которого у Вероники всегда щемило сердце.

Она шла с Мариной на школьный стадион, куда их команда сдавала в аренду поле для любительских матчей. В ушах стоял назойливый гул — смесь волнения и того самого страха, который она пыталась задавить ещё со вчерашнего разговора в «Бризе».

— Он будет очень рад тебя видеть, уверена! — беззаботно болтала Марина, на ходу поправляя повязку на волосах. — Он тебя всегда выделял, знаешь ли. Говорил: «Вероника у нас с характером». Хотя, после твоего отъезда... Ну, стал каким-то колючим.

Всегда неприятно осознавать, что ты можешь быть причастен к тому, что человек стал «колючим». Вот и Вероника поёжилась будто подул холодный ветер.

С трибун, пустых и обшарпанных, уже доносились крики, свист и глухой удар по мячу. На зелёном прямоугольнике поля мелькали фигуры в разноцветных футболках.

— Вон он! — ткнула Марина пальцем. — В синей, с номером 11.

Вероника замерла. Даже с этого расстояния он узнавался с первого взгляда. Но это был уже не тот мальчик. Движения

стали резче, увереннее. Плечи, всегда широкие, теперь казались ещё массивнее под натянутой тканью майки. Когда он, отбив мяч, развернулся и пробежал несколько метров, она увидела его профиль — более жёсткий, с твёрдой линией челюсти. Время стесало с него юношескую мягкость, оставив углы и напряжённые мышцы.

Он не видел их, полностью поглощённый игрой.

Подруги устроились на скамейке. Вероника не сводила с него глаз, ловя знакомые и незнакомые жесты. Вот он крикнул что-то парню из своей команды, властно показав рукой. Вот засмеялся, отпрянув от товарища, пытавшегося обнять его вспотевшей рукой. Этот смех... Он был таким же, каким всегда отзывался в ней радостным эхом. Но сейчас он долетал до неё иным — чужим и недоступным.

Матч закончился. Команда Макса, судя по ликующим возгласам, победила. Игроки стали сходить к центру поля, хлопая друг друга по плечам.

— Пошли! — Марина вскочила и потянула Веронику за рукав.

Они спустились к краю газона. Макс, стоя спиной, пил воду из бутылки, высоко закинув голову. Капли стекали по его щеке, исчезая под воротником майки.

— Братишка! Смотри, кого я тебе нашла! — крикнула Марина.

Он обернулся. Сначала взгляд его скользнул по сестре, а затем перешёл на Веронику.

И всё остановилось.

На его лице не было ни радости, ни удивления. Было... ничего. Пустота, в которую мгновенно хлынуло слишком многое. Его зелёные глаза, всегда такие живые, стали плоскими, как стекло. Он медленно опустил бутылку.

— Вероника, — произнёс он её имя ровно, без интонации.
— Сюрприз.

— Привет, Макс, — выдавила она, чувствуя, как улыбка застывает на её губах, фальшивая и хрупкая.

— Сколько лет, сколько зим... — Он сделал шаг вперёд, и его взгляд скользнул по ней с головы до ног, быстрый, оценивающий. — Изменилась.

— Ты тоже.

Между ними повисло тяжёлое молчание, которое тут же попыталась заполнить Марина.

— Она вернулась! Уволилась со своей Московской работы и приехала!

— Надолго? — спросил Макс, не отрывая от неё взгляда. В его тоне слышалась не заинтересованность, а холодная констатация факта.

— Если всё сложится, то навсегда, — честно ответила Вероника.

— Понятно.

К ним подошли ещё двое парней, один из которых, рослый брюнет, с ходу улыбнулся Веронике открытой, заинтересованной улыбкой.

— Макс, представишь?

— Игорь, — коротко бросил Макс, не глядя на друга. — Это Вероника. Подруга Марины.

— Очень приятно, — Игорь протянул руку, и Вероника автоматически пожала её. — Я тебя раньше здесь не видел. Только переехала?

— Можно и так сказать. Вернулась после долгого отсутствия.

— Тогда тем более нужно показать тебе всё самое интересное! — Игорь оживился. — Может, сходим куда-нибудь? Как раз сегодня...

— Игорь, — голос Макса прозвучал резко, как щелчок. Он всё ещё смотрел на Веронику, но говорил явно другу. — Тебе там Карпов пас не отдавал на 75-й минуте. Иди разберись с ним, а то опять ныть начнёт.

В его тоне была такая не допускающая возражений холодность, что улыбка сошла с лица Игоря.

— Да ладно, Макс, дело-то...

— Иди, — повторил Макс, и в этом слове прозвучала уже откровенная сталь. — Сейчас.

Игорь замялся, бросив на Веронику растерянный взгляд, затем пожал плечами и отошёл.

Макс вытер ладонь о борт шорт и наконец перевёл взгляд на сестру.

— Марина, отведи её домой. Игра закончена, всем надо по делам.

— Но мы же хотели...

— Я сказал, по делам, — он перебил её, и в его глазах вспыхнуло что-то тёмное, стремительное. Ревность? Злость? Вероника не успела понять. Он уже разворачивался. — До свидания, Вероника.

И он ушёл. Не медленно, не бросая последних колкостей. Он просто развернулся и пошёл прочь, к своим друзьям.

Вероника стояла, ощущая, как бетонная плита стыда и вины окончательно придавила её к земле. Марина растерянно смотрела то на удаляющуюся спину брата, то на неё.

— Что... что это было? Он с утра что ли не в духе?

— Не знаю, — прошептала Вероника, глядя вслед его фигуре, растворяющейся среди других. — Наверное просто не тот день цикла.

Вероника попыталась отшутиться, лишь бы не показывать, что её задело поведение Макса.

Солнце вдруг перестало греть. Ветер с моря подул резче, предвещая осень. И где-то глубоко внутри, рядом с болью старой раны, зародилось новое, острое чувство. Не только вины.

Досады.

Он не имеет права обращаться с ней так, будто она — ошибка, которую можно стереть с доски. Шесть лет прошло. Она вернулась не за его прощением. Она вернулась за своей жизнью.

Им придётся сосуществовать рядом.

Глава 4. Начало поисков

На следующее утро Вероника проснулась с чётким, почти осязаемым решением. Жалеть себя и размазывать старые слёзы — не в её правилах. У неё есть дела поважнее.

Она открыла ноутбук и снова зашла на сайты с коммерческой недвижимостью. На этот раз не просто мечтая, а составляя список. Три адреса. Все на Центральной или Курортном проспекте. Все с примерной площадью, которая могла бы подойти под книжный. Почти все. Первый просмотр был назначен на понедельник.

Она надела один из своих строгих московских костюмов — чёрный, безупречного кроя, подчеркивавший каждую линию. Это была её броня. Хотя... Кого мы обманываем, весь её гардероб выглядел так словно она ни разу в жизни не выбиралась жарить шашлыки. Накрасилась чуть ярче, чем обычно. И отправилась в «Бриз», где, по словам Марины, компания часто собиралась после игр.

Она не ошиблась. За большим столом у окна сидели несколько знакомых по вчерашнему матчу лиц, включая Игоря. Макса не было.

Игорь первым её заметил. Его лицо озарилось удивлённой, но явно радостной улыбкой.

— О! Наше возвращенка! Присоединяйся!

— Игорь, как ты меня назвал? Возвращенка? Звучит как

что-то из категории 18+. Всем привет!

Она присоединилась, отвечая на расспросы, шутя, делая вид, что вчерашний инцидент её нисколько не задел. Она была остроумна, легка и абсолютно неуязвима. А сама краем глаза следила за дверью.

И он вошёл. Один. В джинсах и простом сером худи, с ещё влажными от душа волосами. Увидев их компанию, он на секунду замер в дверях. Его взгляд нашёл Веронику. И в его зелёных глазах мелькнуло что-то стремительное и горячее. Не боль. Гнев.

Ему показалось, что Вероника решила отравить своим присутствием всё, что для него было привычным без неё.

Он направился к стойке, заказал кофе навынос и уже повернулся к выходу. Но Игорь окликнул его:

— Макс, иди к нам! Вероника рассказывает, как её начальник решил шантажировать!

Макс медленно обернулся. Он посмотрел на Игоря, потом на Веронику.

— Занят, — сказал он ледяным тоном. — У меня встреча.

— В воскресенье? — удивился Игорь.

— Да. По поводу помещения. — Он намеренно задержал взгляд на Веронике.

Он кивнул на прощание и вышел. Щёлкнула дверь.

— Странный он какой-то сегодня, — пробормотал Игорь.

— Да, — тихо согласилась Вероника, глядя в свою чашку.

— Очень странный.

Но внутри у неё всё горело. Завтра — понедельник. И она пойдёт на свою первую встречу с арендодателем. Реализация её мечты о собственном книжном магазине вдохновляла, мотивировала её сильнее, чем что-либо. А Макс... Да и чёрт с ним!

Вероника на тот момент ещё не знала, что вскоре всё смешается в её жизни и превратится в бурлящий котёл.

Глава 5. Первый ход

Понедельник встретил Веронику низким серым небом и настойчивым ветром с моря.

Вчерашняя сцена в «Бризe» горела у неё внутри тлеющим угольком злости. «Занят. У меня встреча. По поводу помещения». В своей голове Вероника произносила это с карикатурным передразниванием и строя гримасы.

Она стояла у зеркала в прихожей маминой — нет, уже своей — квартиры, поправляя воротник белой блузки. В гардеробе, конечно, не было ничего, кроме офисной одежды, но сегодня это было кстати. Костюм тёмно-синего цвета, лаконичные каблуки, сумка-портфель. Она выглядела как человек, который пришёл не просить, а диктовать условия. Сегодня ей предстояла встреча с первым арендодателем, неким Виктором Петровичем. Помещение было на Курортной, в самом конце пешеходной зоны. Не идеал, но сильный игрок на старте.

Дверь звонко захлопнулась за ней, звук прокатился эхом по пустой квартире. Она шагнула на улицу, и ветер тут же попытался растрепать её собранные в тугий узел волосы. Вероника стиснула зубы и пошла быстрее.

Зеленоградск по будням был другим — не таким томным и курортным. Деловито сновали местные, гремели разгрузкой фургоны у кафе, на скамейках сидели пенсионеры с га-

зетами. Она шла, сверяясь с картой на телефоне, и ловила на себе взгляды. Чужая. Даже в родном городе.

— Воскресенская? Заходите, смотрите. Помещение оказалось в старом немецком доме с облупившейся штукатуркой. Виктор Петрович, мужчина лет пятидесяти с уставшими глазами и вечным запахом сигарет от одежды, уже ждал у двери.

Внутри пахло сыростью, пылью и давно забытыми товарами — когда-то здесь был сувенирный ларек. Пол неровный, потолок низкий, проводка, похоже, помнила ещё кайзера.

— Видите, потенциал! — разводил руками Виктор Петрович, показывая на заляпанное окно. — Окна на улицу, место проходное. Сделаете ремонт — будет как конфетка.

Вероника молча обошла периметр, тыкая каблуком в скрипящие половицы. Её внутренний аналитик, тот самый, что за шесть лет научился считать риски с закрытыми глазами, выдавал трезвый вердикт: «Дорого. Слишком много вложений. Окупаемость — годы. Отказ».

— Подумаю, Виктор Петрович. Дайте мне пару дней.

— Да, да, думайте, — кивнул он, уже глядя куда-то поверх неё, на улицу. — Только недолго. У меня тут ещё интересующиеся есть.

— А кто ещё интересовался? — спросила она как можно небрежнее, поправляя ремешок сумки.

— Молодой человек. Деловой такой. Говорит, кафе хочет открыть, — Виктор Петрович махнул рукой. — Но он тоже думает.

Она вышла на улицу, и солнце, выглянувшее из-за туч, ударило ей в глаза. Не просто молодой человек. Максим Романовский уже здесь, на этом поле. Он уже обходит те же точки, считает те же квадратные метры.

Нужен был следующий адрес. Второй в её списке. Курортный проспект, 15. По описанию — самое подходящее. Большие витринные окна, высокие потолки, отдельный вход.

Вероника замедлила шаг, поправляя сумку на плече. Она уже мысленно репетировала диалог, когда взгляд её скользнул по большим, затемнённым от пыли витринам.

И внутри всё оборвалось.

В пустом, залитом утренним солнцем пространстве за стеклом двигалась фигура. Мужская фигура. Он стоял спиной, измеряя что-то шагами от одной стены к другой. Широкие плечи в тёмной флисовой толстовке, знакомый наклон головы...

Макс.

Вероника резко отвернулась, будто её отшвырнуло невидимой силой. Сердце колотилось где-то в горле.

Она отступила в глубокую нишу парадной соседнего дома, откуда могла видеть вход, оставаясь невидимой. Рука сама потянулась к телефону. Объявление. Номер собственника, Сергея Ивановича.

Она набрала номер, не сводя глаз с фигуры за стеклом. Дверь открыла. Из неё вышел невысокий седой мужчина в застиранной кепке — Сергей Иванович.

— Алло? — ответил старческий, неторопливый голос.

— Здравствуйте, Сергей Иванович? Говорит Вероника Воскресенская. Я по поводу вашего помещения на Курортном. Я сейчас рядом, очень хотела бы осмотреть.

— А-а..., — в голосе послышалась добродушная усталость. — Я как раз сейчас показываю помещение, но позже можете подойти.

— Я подожду, — её голос прозвучал твёрдо, без тени просьбы. — Буду у входа.

Минуты тянулись, как смола. Она видела, как Макс изучал каждый угол, касался стен, смотрел в потолок. Его движения были уверенными, хозяйской проверкой. Это безумно злило. И... заводило. За шесть лет в продажах она уже привыкла конкурировать, соревноваться. И теперь она попала в привычную ей среду.

Наконец дверь снова открылась и на улицу вышел не только Сергей Иванович, но и Максим Романовский.

Первым среагировал Макс. Его лицо сначала выразило чистое недоумение, потом брови медленно поползли вверх. Он увидел её деловой костюм, сумку, собранное выражение лица. В его глазах промелькнуло недоумение.

— Вероника? — произнёс он, и в его голосе прозвучала плохо скрываемая настороженность.

— Максим, — кивнула она, подходя. — Какая встреча.

— Вы... знакомы? — переводил взгляд с одного на другого Сергей Иванович.

— Старые друзья, — ровно сказала Вероника, пожимая ему руку. — Вероника Воскресенская. Я вам только что звонила.

Старик оживился.

— Ну что ж, давайте посмотрим.

Он хитрил, понимая, что может сравнить двух потенциальных арендаторов.

Макс молчал. Его взгляд, тяжёлый и вопрошающий, впился в Веронику. Она чувствовала его на своей коже, как физическое давление, но не поддавалась. Улыбнулась Сергею Ивановичу.

Пространство оказалось даже лучше, чем на фотографиях. Высокие потолки с лепниной, огромные окна, в которые лился свет, мощные деревянные балки. Оно было идеальным. И оно было огромным. Для её книжного — слишком. Мысли метались, оценивая, прикидывая.

Вероника даже не обратила внимания, что Максим зашёл следом за ней.

— Видите, какая площадь! — разводил руками Сергей Иванович. — Можно и кафе, и магазин!

— Да, — коротко бросил Макс, медленно обходя периметр. — Идеально под мою концепцию.

Он сказал это громко, чётко, бросая вызов в пустое пространство. Но вызов был адресован ей.

Вероника подошла к самому большому окну, выходящему прямо на пешеходную улицу. Представила здесь стеллаж во

всю стену. Диванчик для чтения у окна. Запах кофе и новых книг. Сердце сжалось от жгучего желания.

— Да, помещение шикарное, — сказала она, не оборачиваясь. — Но и очень большое.

— Для чего тебе, Вероник, такое помещение? Хочешь салон красоты открыть? Или филиал московского банка?

В его тоне была ядовитая колкость.

— Для книжного, — выдохнула она, не отводя глаз. — Я хочу открыть здесь книжный магазин.

Наступила тишина. Шум улицы словно отступил. Они смотрели в глаза друг друга будто собирались устроить бой на мечах.

— Книжный, — повторил он беззвучно, почти одними губами. Потом резко развернулся к Сергею Ивановичу. — Сергей Иванович, мне нужно это помещение. Я готов внести депозит сегодня.

Помещение ускользало из рук Вероники как вода, в своей голове, она уже расставляла мебель.

— Я готова забрать целиком!

Сергей Иванович смотрел на них, как на внезапно загоревшийся новогодний фонтан. Радость от такого ажиотажа бродила в нём с растерянностью.

— Господа... то есть, молодые люди... Давайте без спешки. Подумайте. Со мной на неделе свяжитесь, обсудим...

— Я позвоню завтра, — почти одновременно сказали Макс и Вероника.

Он посмотрел на неё. Она — на него. В пустом, наполненном пылью и солнечным светом помещении, между ними протянулась невидимая линия фронта. Гораздо более прочная, чем любая стена.

— До завтра, Сергей Иваныч, — кивнула Вероника и первая направилась к выходу. Она чувствовала его взгляд на своей спине с каждой секундой.

Война была объявлена. И отступить она не собиралась.

Глава 6. Перемирие, которого не будет

Глава 6. Перемирие, которого не будет

Утро вторника встретило Веронику серым, тяжёлым небом и противной моросью за окном. Дождь барабанил по подоконнику, стекал по стеклу мутными ручьями. В квартире было тихо и пусто, только часы мерно отсчитывали секунды.

Она не спала. Всю ночь ворочалась, прокручивая в голове вчерашнюю сцену. Его взгляд, брошенный как перчатка. Его «я готов внести депозит сегодня». Его лицо, когда она сказала про книжный.

К шести утра она сдалась. Поднялась, сварила кофе, села за стол с ноутбуком.

Вероника смотрела на фотографию помещения в объявлении. Высокие потолки, свет, пространство. Она уже видела там стеллажи из тёплого светлого дерева, мягкие кресла у окон, детский уголок с низкими столиками. Видела людей, которые приходят не просто за книгами, а за ощущением дома.

«Не отдам», — подумала она, закрывая ноутбук. — «Просто так не отдам.»

Решение пришло внезапно, как удар грома. Она набрала

Марину.

— Привет. Макс живёт ещё по старому адресу?

— Чего? — сонный голос подруги звучал растерянно. —

Нет, он переехал. Варенье, ты чего?

— Поговорить надо, — отрезала Вероника. — Скинь.

Пауза. Потом недоверчивое:

— Ты только с ним не дерись, ладно? Вы что-то оба странные последнее время, а я между вами выбирать не хочу.

— Не буду, — пообещала Вероника и отключилась.

Адрес пришёл через минуту. Она оделась почти так же, как вчера: тёмные брюки, белая блузка, пиджак. Но вместо тугого узла распустила волосы — пусть падают на плечи.

Дождь усилился, пока она шла. Зонт хлопал на ветру, ноги промокли почти сразу, но Вероника не сбавляла шага. Злость гнала её вперёд, разгоняя кровь быстрее обычного.

Она постучала. Тишина. Постучала снова, настойчивее. Дверь распахнулась резко, будто её ждали за ней всё это время.

Макс стоял на пороге босиком, в старых джинсах и серой футболке, с влажными после душа волосами. На лице — ни удивления, ни приветствия. Только настороженность и готовность к обороне.

— Ты?

— Я, — Вероника подняла подбородок. — Впустишь?

Или будем обсуждать дела на лестнице?

Секунду он колебался. Потом посторонился, пропуская её

внутри.

Квартира оказалась большой, но обставленной по-холо-
стячки функционально. Диван, стеллаж с книгами, гантели в
углу, кухня без лишних деталей. Ничего личного. Ни одной
фотографии на стенах.

— Кофе? — спросил он без интонации.

— Не надо.

Она осталась стоять у окна, спиной к серому небу. Макс
прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди. По-
за защитная, закрытая. Говорящая яснее всяких слов.

— Зачем пришла? — спросил он.

— Поговорить.

— О чём? О том, как ты снова уедешь через неделю, ска-
зав, что мы «справимся»? — его голос был ровным, но от
этого ровного тона у неё внутри всё сжалось. — Или о том,
как будешь игнорировать меня ещё шесть лет?

— Я не игнорировала тебя.

— Правда? — он усмехнулся, но глаза остались холодны-
ми. — А что ты делала, Вероник? Здоровалась со мной как
с чужим. Смотрела сквозь. Делала вид, что между нами ни-
чего не было. Так и должно выглядеть «не игнорирование»?

— Ты тоже не звонил, — выдохнула она. — Ты тоже делал
вид.

— Потому что ты сказала: «не будем», — он выделил по-
следнее слово, вбивая его между ними, как гвоздь. — Ты
сказала: «прости, мы справимся». И уехала. Что мне остава-

лось? Бежать за тобой?

— Я не просила тебя бежать.

— А ты вообще ничего не просила. Ты просто решала. За нас обоих.

В комнате повисла тишина, плотная, как вата. Вероника смотрела на него и видела не того мальчика, который стоял в её прихожей с букетом полевых цветов. Перед ней был мужчина, который вывернул душу наизнанку и остался отвергнутым.

— Я пришла не за этим, — сказала она тихо. — Не за разборками шестилетней давности.

— А за чем?

— За помещением.

Его челюсть сжалась. Он медленно выдохнул, отталкиваясь от косяка.

— Сергей Иванович звонил утром. — Он сделал паузу, давая ей осознать.

— И?

— И я сказал ему, что забираю помещение целиком. Готов хоть сегодня подписать договор.

Вероника стиснула зубы.

— Ты не имеешь права.

— Имею. Я первый пришёл на просмотр. Я первый выразил готовность. У меня есть финансирование, проект, концепция. А у тебя, — он скользнул взглядом по её лицу, — что?

— У меня мечта, — вырвалось у неё. Глупо. По-детски. Но это было правдой.

Макс замер. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое, прежде чем он снова спрятался за маской равнодушия.

— Мечта, — повторил он. Голос сел почти до шёпота. Он нахмурился. — Шесть лет назад у тебя тоже была мечта. Ты мечтала уехать. Зарабатывать деньги. А теперь вернулась и хочешь помещение, которое я нашёл. Удобно.

— Это не так! — Она шагнула к нему, сжимая кулаки. — Я не знала, что ты его смотришь. Мы выбирали одновременно. И у меня нет другого такого варианта — на Курортном, с окнами на улицу, с этим светом...

— А у меня есть? — перебил он жёстко. — Я искал полгода. объездил весь город. Всё, что сдаётся, либо развалины, либо цена как за небоскрёб. Это помещение — единственное подходящее. Для меня. Для моего дела.

Они стояли друг напротив друга, разделённые метром паркета, и этот метр казался шире Балтийского моря.

— Значит, война, — тихо сказала Вероника.

— Выходит, что так, — так же тихо ответил он.

В этот момент в кармане её пиджака завибрировал телефон. Вероника, не сводя глаз с Макса, достала его. Экран светился именем: «Игорь».

Она ответила, не раздумывая. Словно кто-то другой, более смелый и безрассудный, взял управление на себя.

— Игорь, привет.

— Вероника! — Голос в трубке звучал оживлённо, почти радостно. — Ты как? Не занята?

— Сейчас — уже нет, — она смотрела прямо в глаза Максиму и видела, как меняется его лицо. Настороженность сменилась чем-то тёмным, неуправляемым. — А что?

— Да я думал... Может, сходим куда-нибудь? В смысле, не «куда-нибудь», а в нормальное место. В ресторан. Завтра вечером. Ты как?

Пауза затянулась. Вероника слышала, как в трубке взволнованно дышит Игорь, и чувствовала, как в комнате наэлектризовывается воздух.

— С удовольствием, — сказала она чётко, громко, будто ставила печать на документе. — Во сколько?

— В семь? Я за тобой заеду.

— Отлично. Я пришлю свой адрес.

— Договорились! — Игорь явно не верил своей удаче. — Тогда до завтра!

— До завтра.

Она убрала телефон и посмотрела на Максима. Его лицо превратилось в маску. Ни один мускул не дрогнул, но в глазах... В глазах бушевала буря, которую он отчаянно пытался скрыть.

— Игорь? — спросил он. Голос прозвучал глухо.

— Игорь, — подтвердила Вероника.

— Ты же его не знаешь.

— Узнаю.

— Значит решила личную жизнь строить? — Макс за-
пнулся, подбирая слова. — А обязательно по моим друзьям
идти?

— А почему бы и нет?

Она поправила сумку, висевшую на плече, и направилась
к двери. У самого порога обернулась.

— Знаешь, Макс, — сказала она негромко. — Ты прав.
Шесть лет назад я решила за нас обоих. И это было ошибкой.
Но сейчас я решаю за себя. Помещение — моё. И свидание
— моё. Привыкай.

Она вышла в коридор и плотно закрыла за собой дверь.

Прислонилась спиной к холодной стене и зажмурилась.
Сердце колотилось где-то в горле. В ушах всё ещё стоял его
голос: «Он не для тебя».

«Не думай об этом», — приказала она себе. — «Не смей.»

Она открыла глаза, поправила сумку и зашагала к лестни-
це.

Глава 7. Цена вопроса

Вероника не успела дойти до выхода из парадной, когда в кармане снова завибрировал телефон. Она достала его, всё ещё находясь в том странном состоянии — на грани дрожи и ледяного спокойствия.

«Сергей Иванович» — высветилось на экране.

Она ответила мгновенно, прижав трубку к уху.

— Вероника Сергеевна? — голос старика звучал виновато, но с ноткой деловой собранности. — Я насчёт помещения... Вы ещё заинтересованы?

— Да, — сказала она твёрдо. — Очень.

— Ну, тут такое дело... — Он помялся. — Звонил мне давеча Романовский. Настаивает, чтобы я ему сдал. Говорит, готов хоть завтра договор подписать. А я человек старый, не люблю спешки. Да и вы мне показались... серьёзной.

— Я серьёзная, Сергей Иванович. Очень серьёзная.

— Вот я и подумал, — он вздохнул. — Давайте встретимся. Обсудим всё. Цену, условия. Я честно скажу: он больше предлагает. Но мне не только деньги важны. Мне важно, чтоб дело жило, чтоб люди с душой подходили. А у вас... я вчера увидел, как вы на окна смотрели. Не как на квадратные метры. Как на своё.

У Вероники зашипало в глазах. Она резко втянула воздух, прогоняя слабость.

— Спасибо. Когда мы можем встретиться?

— Завтра могу. В четыре часа. У меня ещё встреча с рилтором, но к тому времени освобожусь. Приходите прямо в помещение. Посмотрим ещё раз, обговорим.

— Я приду, — пообещала она. — Обязательно.

— Вот и ладненько. До завтра, Вероника Сергеевна.

Он отключился.

Она стояла в парадной, прижимая к груди телефон, и пыталась унять бешеный ритм сердца. Ей дали шанс. Всего один день форы.

Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. До завтрашней встречи двадцать восемь с половиной часов. Нужно подготовить коммерческое предложение, собрать все аргументы, возможно, пересмотреть свой бизнес-план. Показать старику, что она не просто «девочка с мечтой», а профессионал, умеющий считать деньги.

Она вышла на улицу. Дождь почти перестал, небо светлело, обещая к полудню робкое солнце. Вероника зашагала быстрее, уже прокручивая в голове цифры, проценты, сроки окупаемости.

Она не видела, как на втором этаже, у окна с видом на улицу, стоял Макс. Как он смотрел на её удаляющуюся фигуру, сжимая в руке телефон.

Когда она скрылась за поворотом, он набрал номер.

— Сергей Иванович? — голос его был ровным, но в нём чувствовалось напряжение. — Романовский беспокоит. Я

насчёт помещения... Хочу подтвердить готовность. Я поднимаю ставку на пятнадцать процентов от озвученной. И готов внести аванс сегодня же.

В трубке повисла пауза. Потом старик ответил, и в его голосе слышалась странная, усталая усмешка.

— Молодой человек, вы мне очень симпатичны. И предложение ваше — щедрое. Но я уже пообещал завтрашнюю встречу другому претенденту. Давайте без спешки. Завтра всё обсудим — и с вами, и с ней.

— С ней, — повторил Макс глухо.

— Да. Вероника Сергеевна придёт в четыре. И вы можете подойти в четыре. Я никого не обманываю, все условия услышу, решение приму по совести.

— По совести, — эхом отозвался Макс.

— Вот так. До завтра.

Гудки.

Он стоял у окна, глядя на пустую улицу. Дождь снова усилился, застучал по карнизу. В отражении стекла он видел своё лицо — жёсткое, с плотно сжатыми губами.

«Игорь», — стучало в висках. — «Она идёт на свидание с Игорем».

Он с силой провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стереть наваждение. Не выходило. Она стояла перед ним — в этой блузке, с распущенными волосами, с этим вызовом в глазах. «Помещение — моё. Свидание — моё. Привыкай».

Он резко развернулся, взял с тумбы ключи, куртку. Надо

было двигаться, делать что-то, чтобы заглушить эту пульсирующую, раздирающую изнутри боль.

Телефон снова ожил в руке. Он посмотрел на экран — Марина.

— Чего? — рявкнул он в трубку.

— Ого, с добрым утром! — голос сестры был язвительным. — Ты чего такой злой? Вероника, что ли, тебя обидела?

— Никто меня не обижал.

— Ага, ага. Слушай, она у тебя была? Она мне с утра писала, адрес твой просила. Я надеюсь, вы не убивать друг друга собрались?

— Мы поговорили, — отрезал он.

— О чём?

— О бизнесе.

Пауза. Потом Марина осторожно спросила:

— Макс... Вы же не из-за этого помещения сцепились?

Только не говори, что ты с ней конкурируешь.

Он молчал. Слишком долго.

— Господи, — выдохнула она. — Серьёзно? Вы с ума сошли оба? Это же Вероника! Ты её шесть лет... — Она осеклась.

— Что — шесть лет? — его голос стал опасным, тихим.

— Ничего. Забей. Я просто... Ладно, я позвоню ей. Может, вправлю мозги.

— Не надо, — резко сказал он. — Не лезь.

— Макс...

— Марина, я сказал — не лезь. Это не твоё дело.

Он отключился и швырнул телефон на диван. Схватил куртку, почти выбежал в коридор. Ему нужно было проветриться, пройтись, перестать думать о ней — о том, как она смотрела на него, бросая вызов, о том, как её волосы пахли дождём, о том, что завтра в четыре у него будет ровно один час, чтобы переиграть эту партию.

Он спустился на улицу, вдохнул холодный, влажный воздух и зашагал к морю. Вода сегодня была тёмной, почти чёрной, небо низким и тяжёлым. Идеально под стать настроению.

Он шёл по мокрому песку, и ветер бросал в лицо солёные брызги. Думать о ней не получалось. Она въелась под кожу так глубоко, что никакие годы не могли вытравить эту заразу.

«У меня мечта»».

Она сказала это так, будто ударила. Мечта. У неё, оказывается, тоже есть мечта. Книжный магазин. Не банк, не офис, не карьера в стеклянной башне. Книжный.

Он помнил, как в шестнадцать она таскала в рюкзаке то дешёвые детективы, то измятые любовные романы, взятые втихаря от мамы в библиотеке. А ещё она читала ему вслух на пляже. Как она мечтала когда-нибудь открыть маленькую лавку с деревянными стеллажами и кошкой, спящей на подоконнике.

Он помнил. И от этого сейчас было только хуже.

Потому что она вернулась. Потому что она села на его тер-

риторию с этими своими огромными грустными глазами и распущенными волосами, которые почему-то стали темнее. Потому что она идёт на свидание с Игорем.

Игорь. Хороший парень. Надёжный.

Но не тот, кто любит её уже двенадцать лет.

Макс остановился у кромки воды, глядя, как волна лижет его кеды. Холод пробирал до костей, но он не двигался.

— Чёрт бы тебя побрал, Вероника, — сказал он в пустоту.
— Чёрт бы тебя побрал.

Волна плеснула сильнее, обдав брызгами. Он развернулся и пошёл обратно.

Завтра в четыре у них встреча с Сергеем Ивановичем. И она будет смотреть на эти окна своими честными, отчаянными глазами, и рассказывать про стеллажи и диванчики.

Он должен был её опередить. Перебить цену. Забрать помещение.

Должен.

Но почему тогда внутри всё кричит, что это будет самое большое поражение в его жизни?

Глава 8. Общая граница

Глава 8. Общая граница

Вероника сидела за кухонным столом, разложив перед собой листы с расчётами. Цифры плыли перед глазами. Она откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

Мысли разбегались, как тараканы от света.

Игорь. Завтра в семь. Зачем она согласилась? Чтобы уколоть Макса? Чтобы доказать ему, что она свободна и может делать что хочет? Или чтобы доказать это себе?

Она вспомнила его лицо, когда он услышал имя Игоря. Эту тень, промелькнувшую в глазах. Эту сжатую челюсть.

Она резко захлопнула ноутбук. Хватит.

Завтра — битва за помещение. Вечером — свидание с Игорем, который, кажется, действительно рад её видеть. И плевать, что думает Максим Романовский.

Она больше не та девятнадцатилетняя девочка, которая сбегает, боясь чувств. Она взрослая женщина, которая знает, чего хочет.

И она хочет эту чёртово помещение на Курортном проспекте.

А всё остальное... Всё остальное подождёт.

А пока, чтобы развлечь себя, Вероника решила пройтись по магазинам. В конце концов, сколько можно ходить в своей офисной одежде? Она решительно встала и отправилась в

Калининград.

Результатом многочасовых хождений стали: 2 свитера, парочка джинсов, кеды, футболки и к удивлению самой Вероники несколько коротких юбок. А почему бы и нет, раз генетика её наградила стройной фигурой? Уставшая она вернулась домой, скинула гору пакетов с рук и начала подготовку к завтрашнему дню.

В среду утром Вероника проснулась за час до будильника. Это была старая московская привычка — в дни важных встреч организм включал режим гипербоевой готовности раньше, чем требовалось. Она лежала в кровати, глядя в белый потолок, и прокручивала в голове сценарии переговоров.

Она поднялась, приняла контрастный душ — чтобы разогнать кровь и прогнать остатки сна. Распустила волосы, посмотрела в зеркало. Темные укороченные пряди, всё ещё казались чужими.

Сегодня она надела не броню делового костюма, а кое-то другое. Светло-серый свитер крупной вязки, который так и норовил оголить плечо. Темные узкие джинсы. Минимум макияжа. Она должна выглядеть не как столичный переговорщик, а как человек, который здесь будет жить. Которому это помещение нужно не ради инвестиций, а ради жизни.

Последний штрих — флакон духов, купленный ещё в Москве. Она открыла его, вдохнула аромат — древесный, с нотками бергамота и ванили. Брызнула на запястья, на шею.

Выходя из квартиры, Вероника взглянула на часы. Половина второго. До встречи полтора часа, но ей нужно было пройтись, собраться с мыслями. Она не ела с самого утра — кусок в горло не лез. Зато выпила три чашки кофе, и теперь сердце стучало где-то в висках, настойчиво и тревожно.

Зеленоградск встретил её солнцем. С утра моросило, но к полудню тучи разошлись, и город засиял в прощальных лучах почти летнего тепла. Туристы снова заполнили набережную, смеялись дети, пахло свежеприготовленным кренделями и морем.

Вероника шла не спеша, позволяя себе это редкое, почти забытое удовольствие — просто идти, никуда не опаздывая, не отвечая на сообщения в рабочем чате, не прокручивая в голове план продаж на квартал. Москва осталась где-то далеко, за тысячей километров. Здесь было другое время, другой воздух.

Она завернула на Курортный проспект и замедлила шаг.

Помещение уже виднелось впереди — большие витринные окна, отражающие чистое небо. Сегодня, без вчерашней пыльной полумглы, оно выглядело совсем иначе. Светлым. Просторным. Живым.

Она подошла ближе и замерла.

У двери, прислонившись плечом к косяку, стоял Макс.

В джинсах, тёмной куртке-ветровке, с телефоном в руке. Он не смотрел в экран — смотрел прямо на неё. Ждал.

Вероника остановилась в нескольких метрах, и воздух

между ними снова сгустился до состояния, которое невозможно было игнорировать.

— Ты пришла раньше, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я хотел поговорить с Сергеем Ивановичем до тебя.

— Не вышло.

— Не вышло, — согласился он.

Повисла пауза. Вероника сжимала ремешок сумки, чувствуя, как под ложечкой холодеет от предчувствия битвы. Но Макс не выглядел агрессивным. Он выглядел... усталым. Под глазами тени, словно он тоже не спал всю ночь.

— Ты зачем пришла? — спросил он тихо. — Честно.

— Я же сказала. За помещением.

— А, ну да. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Ты смотри-ка, снова готова переступить через меня ради выгоды. Прямо как в старые добрые времена.

Вероника почувствовала, как внутри закипает раздражение. Она планировала быть дипломатичной. Стратегичной. Взрослой. Но этот человек действовал на неё как красная тряпка на быка.

— Ах, Максим, конечно, — она сложила руки на груди в защитном жесте, который должен был выглядеть расслабленным. — Такая безжалостная Вероника! То ли дело ты — ну просто сама доброта, стоишь тут и не знаешь, как уступить своей старой подруге. Пряморываешься от благородства.

— С какой стати я должен тебе уступать?

— Понятия не имею. — Она невинно похлопала ресницами. — Наверное, потому что ты же хороший мальчик? Марина всегда говорила, что ты у нас душка.

— Марина много чего говорит. — Он скрестил руки на груди, копируя её позу. — Например, что ты упрямая как сто ослов.

— Это комплимент. Я ценю настойчивость в людях.

— О, я заметил. Шесть лет назад оценила по достоинству.

— По достоинству я тебя ещё не оценивала. Я его не видела, — Вероника наигранно улыбнулась и скосила глаза вниз.

— Ну ты и зараза.

— Были хорошие учителя в подростковом возрасте.

Он хотел что-то ответить, но в этот момент со стороны улицы показалась знакомая фигура. Сергей Иванович шёл неторопливо, в своей неизменной кепке, с пакетом в руке. Увидев их обоих, он не удивился — только усмехнулся в усы.

— Явились, голуби. Оба сразу. Ну что ж, проходите, раз пришли. Вместе посмотрим.

Он отпер дверь, и они втроём вошли внутрь.

Помещение встретило их запахом пыли и старого дерева. Солнечные лучи падали на пол длинными прямоугольниками, выхватывая из полумрака царапины на паркете, следы от снятых розеток, одинокую лампочку под потолком на скрученном проводе.

Вероника вдохнула этот запах и почувствовала, как внутри разворачивается что-то тёплое и сильное. Она уже люби-

ла это место. Всё, что ей нужно было сделать — убедить старика, что любовь взаимна.

И не убить Макса по дороге.

— Ну, садитесь, — Сергей Иванович придвинул к ним два старых стула, чудом сохранившихся в углу. Сам устроился на перевёрнутом ящике. — Поговорим.

Макс и Вероника сели напротив него, плечом к плечу — слишком близко для врагов, слишком далеко для союзников. Она чувствовала тепло его тела, слышала его ровное дыхание. В этом замкнутом пространстве их противостояние казалось одновременно абсурдным и неизбежным.

— Я старый человек, — начал Сергей Иванович, глядя на них поверх очков. — У меня квартира, пенсия, внуки в Москве. А я устал. Хочу, чтоб дело тут было. Чтоб не ларек с шаурмой, не пункт выдачи заказов, а что-то... настоящее.

Он посмотрел на Макса, потом на Веронику.

— Вы оба мне нравитесь. Ты, — кивок в сторону Макса, — деловой, напористый. Концепция у тебя есть, я погуглил, что такое «гастрокафе с авторской кухней». Внукам рассказал, они сказали: «О, дед, это модно». — Он усмехнулся. — А ты, — теперь он смотрел на Веронику, — приходишь, молчишь, но глаза горят. Я такие глаза знаю. Мой отец так на свою столярку смотрел.

У Вероники защипало в носу. Она моргнула, прогоняя предательскую влагу. Но мельком всё же глянула на Макса, проверяя как он реагирует.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Погоди благодарить. — Старик подался вперёд. — Я придумал, как сделать так, чтобы вы оба не ушли обиженными. И чтобы помещение не пустовало.

Он сделал паузу, с наслаждением растягивая момент.

— Помещение большое. Двести квадратов. В советское время тут два цеха было, пока стену не снесли. Я могу её восстановить.

Вероника замерла. Макс рядом с ней тоже перестал дышать.

— Что значит — восстановить? — спросил он медленно.

— А то и значит. Разделить помещение пополам. Сделать два входа с улицы — отдельно для кафе, отдельно для магазина. Или один общий, если договоритесь. — Он переводил взгляд с одного на другого. — Каждому — по сто метров. Вам много не надо, ты же говорил, у тебя только кухня и зал на двадцать посадочных, — кивок Максиму. — А тебе, Вероника Сергеевна, книжному, много ли надо? Стеллажи расставить, ну может диванчик какой. В самый раз.

Глава 9. Новые условия

Глава 9. Новые условия

Тишина. Вероника смотрела на Сергея Ивановича, и в голове у неё проносился ураган из обломков прежних планов и новых, стремительно возникающих конструкций.

Общий вход. Стена. Соседство.

С ним.

— А аренда? — спросила она первое, что пришло в голову.

— Аренда пополам. Каждый платит свою половину. Мне так даже спокойнее: один съедет — второй останется. Не придется искать нового жильца в спешке.

Он хитро прищурился.

— И торг здесь неуместен. Цена фиксированная, одинаковая для обоих. Что скажете?

Вероника молчала.

Она думала о том, что видеть его каждый день — это худшее, что могло с ней случиться. Она думала о том, что не видеть его каждый день — ещё хуже. Она думала о том, что это помещение идеально, что второго такого не будет, что она искала по всему городу и ничего ближе даже близко не нашла.

И ещё она думала о том, что Макс сейчас скажет.

— Я согласен, — сказал Макс.

Она резко повернула голову. Он смотрел прямо перед собой, на пыльный пол, залитый солнцем. Лицо его было непроницаемо.

— Макс, — выдохнула она.

— Что? — Он повернулся к ней. — Это честно. Никто не проиграл. Никто не ушёл с пустыми руками. — В его голосе не было торжества. Только усталая решимость. — Или ты передумала? Может хочешь сбежать? Самолёты летают регулярно. Я могу проводить.

— Я согласна, — решительно сказала она.

Сергей Иванович довольно хлопнул ладонями по коленям.

— Ну вот и славно! А то я уж думал, до вечера провоюете. Давайте так: завтра я вызываю прораба, смотрим, где стена стояла. Две недели — и будет вам готовое помещение. А вы пока договор аренды готовьте, я юристу своему скажу, чтоб одобрил. Идёт?

— Идёт, — синхронно ответили Макс и Вероника.

Старик поднялся, кряхтя.

— Ну, я пойду. Рад был познакомиться. Вероника Сергеевна, Максим... — Он замаялся, явно не зная отчества. — В общем, располагайтесь, обсуждайте. Помещение теперь ваше. Почти.

Он вышел, притворив за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Они остались вдвоём.

Вероника не двигалась. Макс тоже. Тишина давила на уши, смешиваясь с гулом крови.

— Ну, — сказал он наконец. — Соседи.

— Соседи, — эхом отозвалась она.

— Что? — Он повернулся к ней. В зелёных глазах — холодная решимость. — Это бизнес. Ничего личного. Или у тебя есть возражения коммерческого характера?

Коммерческого характера.

Она чуть не рассмеялась.

— Нет, — сказала она. — Возражений нет.

— Тогда в чём проблема?

— Проблем нет. — Она выдержала его взгляд. — Я просто думала, не хочешь ли ты добавить в договор пункт о звукоизоляции. А то вдруг твои посетители будут слишком громко восхищаться авторской кухней.

Он моргнул. Потом его губы дёрнулись в намёке на усмешку.

— Боишься, что мои гости будут мешать твоим занудам-читателям?

— Боюсь, что твои гости будут громко жевать.

— Я думал, в библиотеках тишина — это пережиток прошлого.

— В библиотеках — да. В моём книжном — атмосфера вдумчивого чтения. Есть разница.

— Атмосфера вдумчивого чтения, — повторил он. — Звучит как название инди-фильма, который никто не хочет

смотреть.

— Звучит как место, куда не пускают мужчин, которые не умеют жевать с закрытым ртом.

Тишина.

Вероника не двигалась. Макс тоже.

Где-то на улице кричали чайки. В помещении пахло пылью и его одеколоном. Слишком близко. Слишком громко. Слишком.

— Мда, вот тебе и соседи. — сказал Макс.

— Не обольщайся, — ответила она, даже не глядя в его сторону. — Соседи хотя бы могут не разговаривать годами.

— А мы не можем?

— Ты первый начал.

— Я спросил про коммерческие возражения.

— А до этого про выгоду и моральные принципы.

— Это был риторический вопрос.

— А это был риторический ответ.

Он вздохнул. Потер переносицу.

— Мы так и будем?

— Я вообще молчать умею. Прекрасно. Шесть лет тренировалась.

Она сказала это и тут же прикусила язык.

Макс посмотрел на неё. Долго. Пристально.

— Тренировалась, — повторил он. — Ну надо же. А я думал, ты просто занята была. Карьера, Москва, большие перспективы.

— А ты не был занят?

— Был. — Он усмехнулся. — Очень.

Вероника отвернулась к окну. Солнце садилось, заливая комнату оранжевым светом. Пылинки танцевали в воздухе.

— Нам нужно обсудить детали, — сказала она ровно. —

Вход, коммуникации, график завоза.

— Давай.

Она достала телефон, открыла заметки. Она строчила в телефоне, он диктовал. Коротко. Сухо. По делу.

Никаких «а помнишь». Никаких «как ты». Только цифры, проценты, метры.

Идеальные деловые отношения.

Она подняла глаза от телефона. Он смотрел на неё. Без агрессии. Без прежней колючей настороженности. Просто... смотрел.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он пожал плечами. — Просто удивительно, как мы умудряемся договариваться, когда не касаемся личного.

— Может, потому что личного больше нет?

Он не ответил. Вероника снова уткнулась в телефон.

Телефон Вероники завибрировал, разрывая повисшую тишину.

Она взглянула на экран — и сердце пропустило удар.

Игорь.

Она совсем забыла. Семь часов. Свидание.

— Чёрт, — выдохнула она, принимая вызов. — Игорь, прости, я совсем потеряла счёт времени.

— Ничего страшного! — Голос в трубке был бодрым, без тени обиды. — Я просто подъехал к твоему дому, а тебя нет. Решил уточнить, может, планы изменились?

— Нет-нет, планы в силе. Просто я... — Она покосилась на Макса. Он сидел вполоборота, делая вид, что изучает трещину на подоконнике. Но по напряжённой линии плеч она поняла: он слышит каждое слово. — Я на Курортном проспекте, в помещении, которое хочу арендовать. Затянулись переговоры.

— Ого, серьёзное дело! — В голосе Игоря послышалось искреннее восхищение. — Мне тебя там забрать? Я быстро домчу.

Вероника снова покосилась на Макса.

Он наконец перестал делать вид, что изучает подоконник, и смотрел прямо на неё. Взгляд — тяжёлый, тёмный. Рука, сжимающая край куртки, побелела.

— Давай, — сказала она в трубку. — Я скину геолокацию.

— Отлично! Буду через секунду. Уже лечу.

Она сбросила вызов и убрала телефон в сумку. Пальцы слегка дрожали.

— Игорь? — спросил Макс.

Голос ровный. Слишком ровный.

— Он за мной заедет.

— Я помню. Ты говорила.

Пауза.

Он смотрел в окно, на улицу, где уже зажигались первые фонари. Сумерки сгущались, превращая витринное стекло в тёмное зеркало.

— Хороший парень, — сказал Макс. — Игорь.

— Ты говорил.

— Я передумал. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Может, он и для тебя.

Вероника не ответила.

Она смотрела на их отражения в стекле — два силуэта, сидящие на подоконнике слишком близко друг к другу. Выглядело это почти интимно. Почти как тогда, шесть лет назад, когда они вот так же сидели на подоконнике в её старой квартире, смотрели на закат и молчали. Только тогда он держал её за руку.

Сейчас он сидел, засунув руки в карманы куртки.

— Знаешь, — сказала она тихо. — Я не за этим сюда приехала.

— За чем?

— За всем этим. — Она повела рукой, указывая на помещение, на него, на себя. — За войной. За соседством. За Игорем.

— А за чем?

Она повернулась к нему.

Их лица разделяло всего несколько сантиметров.

Она видела каждую ресницу, каждую морщинку в уголках

его глаз, каждую родинку на скуле. Видела, как потемнели его зрачки, как дрогнули губы.

— Я не знаю, — прошептала она. — Я думала, что знаю. А теперь...

Он не отстранился. Не отвёл взгляд. Смотрел на неё так, будто пытался запомнить — или прочесть что-то, скрытое между строк.

— Вероника, — начал он.

Свет фар скользнул по витрине, разрезая сумерки.

За окном остановилась тёмная машина.

Вероника отпрянула, будто очнувшись. Сердце колотилось где-то в горле.

— Он приехал.

Макс медленно кивнул. Отвернулся к окну.

Лицо его снова стало непроницаемым.

— Иди, — сказал он. — Не заставляй его ждать.

Она подхватила сумку, накинула ремешок на плечо. У двери обернулась.

— Завтра созвонимся? По поводу прораба и стены?

— Созвонимся, — коротко ответил он, не глядя на неё.

Она вышла.

Игорь ждал у машины, опираясь на капот.

Увидев её, расплылся в улыбке — открытой, искренней, без тени той сложной игры, в которую она увязла по самые уши.

— Привет! Ну и местечко ты присмотрела. Солидное.

— Спасибо, — она улыбнулась в ответ, стараясь, чтобы улыбка вышла естественной. — Я сама пока не верю, что всё получилось.

— Получится, — уверенно сказал Игорь, открывая перед ней дверь. — У таких красивых девушек всё получается.

Он говорил легко, без натуги, и Вероника почти расслабилась. Почти.

Она уже садилась в машину, когда краем глаза заметила движение в дверном проёме.

Макс вышел на улицу.

Стоял на пороге, засунув руки в карманы куртки, и смотрел на них.

Лица его в темноте было не разобрать — только силуэт, подсвеченный тусклым светом из помещения. Широкие плечи, знакомая линия профиля, напряжённая поза человека, который изо всех сил делает вид, что ему всё равно.

Игорь, ничего не замечая, продолжал:

— Забронировал столик в «Балтийском». Говорят, у них новая осенняя кухня. Ты как к морепродуктам?

— Люблю, — автоматически ответила Вероника.

Она села в машину. Пристегнулась.

Игорь обошёл капот, устроился на водительском сиденье. Завёл двигатель.

— Поехали?

— Поехали.

Машина мягко тронулась с места, отъезжая от тротуара.

Вероника смотрела в боковое зеркало.

Фигура в дверном проёме не двигалась.

Стояла, провожая взглядом удаляющиеся огни.

Стояла, пока машина не скрылась за поворотом.

Стояла, пока свет фар не растаял в вечерней мгле.

И только тогда, когда на пустой улице не осталось ничего, кроме шума моря и крика чаек, он наконец развернулся и ушёл внутрь.

Глава 10. Кристина

Макс стоял на пороге, пока красные огни машины Игоря не растворились в вечерней мгле.

Ветер с моря донёс запах водорослей и остывающего асфальта. Он глубоко вдохнул, пытаясь вытравить из лёгких аромат её духов. Древесный. Сладкий.

Чужой.

Он только успел захлопнуть дверь, когда в кармане завибрировал телефон.

Экран светился именем, которое за последние три месяца начало вызывать у него лёгкую аллергию.

«Кристина».

— Да, — ответил он коротко.

— Макс! — Голос в трубке был ярким, звонким, как колокольчик на ёлке, которую ставят в октябре. — Ты где? Ты занят?

— Уже закончил.

— Отлично! Тогда давай ужинать? Я нашла потрясающее место на набережной, там подают ризотто с трюфелями. Ты же любишь трюфели?

Он любил.

Откуда она знала? Он не помнил, чтобы говорил ей.

Может, она ведёт досье. У неё наверняка есть папка. «Макс Романовский: любимые блюда, марка джинсов, ал-

лергия на глупость».

— Я устал, — сказал он. — Давай в другой раз.

Пауза.

Всего секунда, но он научился распознавать в ней обиду, которую Кристина старательно прятала под бодростью. Это было похоже на попытку накрыть крышкой кипящий чайник. Рано или поздно крышка слетит.

— Конечно-конечно, — щебетание вернулось, но теперь в нём слышалась натянутость. — Тогда завтра? Папа говорил, что ты нашёл помещение. Я могу подъехать, посмотреть. Всё-таки я тоже хочу участвовать в проекте.

Ты не участвуешь, — чуть не сказал он. Это моё. Твой отец только дал денег. Это не делает тебя частью ничего. Это не делает тебя частью меня.

— Не надо, — ответил он ровно. — Там ещё стройка, пыльно. Не твоя история.

— Макс... — В её голосе мелькнуло что-то похожее на мольбу. — Я просто хочу быть рядом. Помогать. Мы же...

Она не договорила.

Он не помог.

— Увидимся на неделе, — сказал он. — Спокойной ночи.

Он отключился, не дожидаясь ответа, и сунул телефон в карман.

Ветер усилился. Макс поднял воротник куртки и посмотрел на тёмное небо. Ни звёзд, ни просветов — только сплошная серая вата, обещающая дождь к утру.

Идеально под стать настроению.

Он думал о Кристине.

О том, как глупо всё вышло.

Она появилась три месяца назад.

Яркая, ухоженная, с идеальным маникюром и фамилией, которая открывала любые двери в Калининградской области. Её отец, Константин Аркадьевич Соболев, владел сетью ресторанов, тремя отелями и, по слухам, половиной набережной в Светлогорске.

Макс тогда метался между банками, инвесторами и бесконечными отказами.

— Молодой человек, рынок общепита в области перенасыщен, — сказал ему один банкир, даже не открывая бизнес-план.

— Вы думаете? — спросил Макс.

— Я знаю. Следующий.

Другой инвестор, владелец сети пекарен, слушал его ровно семь минут, а потом спросил:

— А сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Молодой. Приходите лет через пять, когда набьёте шишки.

— У меня уже есть шишки.

— Мало.

Третий вообще не пришёл на встречу.

Помещение он ещё не нашёл, но проект был готов. Цифры

сходились. Концепция вылизана до блеска. Он мог рассказывать о «11:11» с закрытыми глазами, перечислять поставщиков, себестоимость блюд, прогнозируемую окупаемость.

Не хватало только одного.

Денег.

Потом его друг, видя мучения, сказал:

— Слушай, у меня знакомый есть. Работает с Соболевым.

Он иногда выступает инвестором. Слышал о таком?

Он слышал.

— Дай контакт.

— Я попробую договориться сам о встрече.

Через неделю ему позвонили из приёмной.

Константин Аркадьевич Соболев, как выяснилось, был человеком старой школы. Он не смотрел презентации на ноутбуке — он требовал бумажные распечатки. Он не пил кофе во время переговоров — только чай, чёрный, без сахара. И он сорок минут задавал вопросы, от которых у Макса холодели пальцы.

— Почему именно кафе?

— Потому что люди хотят не просто есть. Люди хотят места, где им хорошо.

— Где гарантия, что им будет хорошо именно у вас?

— Нигде. Но я буду стараться.

— Мало.

— Я буду стараться больше всех.

Соболев посмотрел на него поверх очков.

— Хорошо, — сказал он. — Я подумаю.

Макс вышел из кабинета с ощущением, что его только что прокрутили через мясорубку и собрали обратно.

Через три дня ему перезвонили.

— Константин Аркадьевич готов рассмотреть ваш проект, — сказала секретарша. — Пришлите полный пакет документов.

Он отправил.

А уже после того, как решение в пользу Макса было принято позвонила Кристина.

— Папа сказал, у вас интересный проект, — голос в трубке был молодым, звонким, с интонациями человека, который привык получать то, что хочет. — Может, встретимся, обсудим детали?

Макс не идиот.

Он понял всё сразу.

Не потому что параноик. А потому что это было слишком очевидно. Соболев-старший не просто так дал его номер дочери. Это было не приложение к договору, не пункт в контракте. Но воздух между строк звенел от недосказанности.

Мы тебе даём деньги. Ты даёшь ей внимание.

Никто не произносил этого вслух. Но все всё понимали. Он согласился на встречу.

Потом на вторую.

Потом Кристина стала появляться везде, где был он.

В «Бриз» — «Ой, какая случайность!» — с идеальным

макияжем в десять утра.

На футболе — «Я никогда не смотрела футбол, но это так захватывающе!» — в туфлях на каблуках, которые увязали в газоне.

На встречах с поставщиками — «Мне просто интересно, я не помешаю?» — помешаешь, конечно, но у неё была улыбка, от которой у поставщиков сами собой расстёгивались кошельки.

Она была красивой. Настойчивой. И либо очень умной, умеющей прикидываться дурочкой, либо на самом деле ... Немного наивной.

Любой другой парень на его месте прыгал бы от счастья. Но Макс чувствовал только глухое раздражение. И вину. Потому что она смотрела на него так, как он сам когда-то смотрел на Веронику. С надеждой. С верой в чудо. С отчаянным желанием, чтобы её выбрали. А он не мог. Даже когда очень старался.

Глава 11. Цвет пожарной машины

Вероника с завистью смотрела на то, как быстро преобразуется половина Макса.

Он нанял строительную бригаду. Целую бригаду! Три человека в одинаковых спецовках сновали по его территории с видом профессиональных спасателей, и стены росли, розетки вкручивались, а потолок белел прямо на глазах. Сам Макс появлялся лишь для того, чтобы отдать указания, ткнуть пальцем в чертёж и исчезнуть до следующего раза.

Чёртов везунчик!

Вероника же в это время пахала с утра до ночи.

Она тоже наняла строителей. Для черновых работ. Естественно, профессионалы сделали ей проводку, перестелили полы и повесили новые светильники в виде полосатых красно-белых воздушных шаров.

А теперь она собственными ручками выравнивала стены, бегала по магазинам в поисках розеток «именно такого серого, не темнее и не светлее, вы что, не видите разницу?», заказывала параллельно мебель и медленно сходила с ума.

Ко всему этому добавлялся ещё Игорь.

И приближающаяся свадьба мамы.

И Макс, который каждый день проходил мимо её двери с видом человека, у которого всё под контролем, и даже не смотрел в её сторону.

Ну, почти не смотрел.

Иногда она ловила на себе его взгляд — быстрый, тяжёлый, исчезающий раньше, чем она успевала понять, что это было.

— Не отвлекайся, — сказала она себе вслух. — Стены сами себя не выравниют.

Стены, надо сказать, были с этим категорически не согласны.

Вероника потянулась за очередной порцией шпаклёвки, когда в заднем кармане зазвонил телефон.

— Нееееет, — простонала она отчаянно.

Телефон продолжал надрываться. С выражением глубокого личного оскорбления она полезла в карман, попутно пачкая джинсы свежим слоем строительной смеси.

— Слушаю.

— Вероничка, привет! — Голос Игоря был таким радостным, будто он только что выиграл в лотерею. — Ты что-то совсем пропала. Может, встретимся?

Вероника медленно опустила голову, посмотрела на свою одежду.

На джинсах красовалось пятно от кофе, три пятна от шпаклёвки и одно неопознанное. Футболка когда-то была белой. Сейчас она напоминала абстрактную картину под названием «Утро после ремонта». Волосы торчали в разные стороны, потому что она собирала их в пучок четыре часа назад, и пучок давно эмигрировал на затылок.

— Встретимся, — выдохнула она. — Да. Игорь, честно...

Я просто не знаю когда.

— Вся в бизнесе, серьёзная леди? — В его голосе не было обиды, только лёгкая, тёплая насмешка.

— Вся в штукатурке, шпаклёвке и в чём-то ещё. — Она нахмурилась, присматриваясь к красному пятну на груди. — Возможно, это кетчуп от хот-дога. Или кровь. Я не уверена.

— Понятно. — Он помолчал. — Ну ты звони хоть, пиши. А то я начинаю волноваться, что тебя завалило стеллажом.

— Не завалило. Пока. — Она посмотрела на грудь коробок в углу. — Но день только начинается.

— Береги себя.

— Ага. Буду. Ты извини, мне правда пора.

Вероника сбросила звонок, не дожидаясь ответа, и уставилась на телефон.

— Ну ты звони, — передразнила она вслух, копируя интонацию Игоря. — Ну ты пиши. Ну ты встретиться найди время.

— А что твои ухажёры только в чистеньких машинках ездят? Ручки боятся замарать, чтобы помочь?

Она вздрогнула и резко обернулась.

Макс стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. На нём была серая худи, джинсы и выражение лица человека, который только что выиграл спор с самим собой.

— Макс, иди ты... — она запнулась. — В...

— Куда?

— К себе иди!

— И пропустить такое шоу? — Он обвёл взглядом её половину, заваленную инструментами, банками с краской и коробками. — Неа.

— Какое шоу? Ты о чём?

— О том, как ты разговариваешь сама с собой. — Он скрестил руки на груди. — Это второй акт? Третий? Я пропустил завязку?

— Я не разговариваю сама с собой.

— Только что говорила.

— Я... репетировала.

— Репетировала разговор с Игорем, который уже состоялся?

— Я репетировала разговор с тобой, — огрызнулась она.

— О том, какой ты невыносимый.

— И как, удачная репетиция?

— Ты всё равно не слушаешь.

— Слушаю. — Он приложил ладонь к уху. — Очень внимательно. «Невыносимый» — это комплимент? Или ты дальше будешь подбирать более точные эпитеты?

— У меня весь словарный запас ушёл на шпаклёвку. Извини.

— А, ну да. — Он кивнул с деланным сочувствием. — Тяжёлая работа. Особенно когда можно нанять бригаду, но ты решила, что твои ручки золотые.

— Мои ручки, между прочим, экономят мне бюджет, ко-

торый я потом потрачу на книги.

— Или на психотерапевта.

— Иди ты!

— Я уже слышал. — Он не двинулся с места. — Нового ничего не придумашь?

— Придумаю, дай время.

— Время у тебя есть. — Он посмотрел на часы. — Часа три, пока мои ребята обедают. Могу подождать.

— Сидеть и смотреть, как я мучаюсь?

— Ну да. Развлечение.

Она закатила глаза и отвернулась к стене, нанося последние мазки шпаклёвки с такой яростью, будто это лицо Макса, а не гипсокартон.

Он не уходил.

Она чувствовала его взгляд спиной — тяжёлый, настойчивый, прожигающий дыру между лопатками.

— Ты долго ещё там стоять будешь? — спросила она, не оборачиваясь.

— А что, мешаю?

— Бесишь.

— Это не ответ.

Она закончила со стеной, отложила шпатель и устало села прямо на пол, вытянув ноги.

— Макс, — сказала она устало. — Что тебе надо, а?

— Да ничего. — Он пожал плечами. — Я так, проведать. Посмотреть, как у тебя тут дела.

— Отлично у меня дела! — рывкнула она с внезапной яростью. — Всё просто замечательно! Я сплю по четыре часа, питаюсь хот-догами из ларька, мои джинсы можно сдавать в музей современного искусства, а шпаклёвка уже снится мне в кошмарах. Но дела отличные! Лучше некуда!

Он смотрел на неё.

Она тяжело дышала, понимая, что только что устроила истерику перед человеком, который вообще-то враг.

— Прости, — буркнула она. — Переработала.

— Вижу.

Он отлепился от косяка и медленно прошёлся по её половине, разглядывая стены, коробки со стеллажами и настенными светильниками. Как хозяин, оценивающий территорию перед покупкой.

Вероника следила за ним взглядом, готовая в любой момент вскочить и защищать свои дизайнерские решения с пеной у рта.

Он остановился у запечатанного ведёрка с краской.

— И какого же цвета будет магазин? — спросил он с лёгким любопытством.

— Бежевый, — ответила она. — Базовый.

— Бежевый, значит.

Он приоткрыл крышку. Заглянул внутрь.

Вероника смотрела на его лицо. На то, как медленно ползут вверх его брови. На то, как дёргается уголок губ.

— Неожиданное решение, — сказал он.

— Что? — Она вскинула голову. — Что там неожиданно-го? Бежевый — это классика. Это нейтральный фон. Это...

— Ну хотя бы то, что он красный, — перебил Макс.

Краска сползла с лица Вероники.

Вся.

До последней капли.

— Что?

— Красный, — повторил он. — Видишь? — Он приподнял крышку повыше, демонстрируя содержимое. — Ярко-красный. Пожарная машина. Кетчуп. Сигнальная ракета. Первая помощь.

— Нет-нет-нет! — Она вскочила так резко, что у неё хрустнули колени. — Почему? НЕТ!

Она рванула к нему,хватила ведёрко, заглянула внутрь.

Красный.

Ярко-красный.

Краска для стен, которую она заказывала в специализированном магазине, с доставкой, с точным названием цвета «Песчаная дюна», которую она ждала четыре дня и ради которой отказалась от более дешёвого варианта в местном строймаркете.

— Я убью их, — прошептала она. — Я убью поставщиков. Я сожгу их склад. Я...

Она дёрнула ведёрко на себя.

Слишком резко.

Краска плеснула через край.

Прямохонько на худе Макса.

Ярко-красная. Жирная. Несмываемая.

— О, — сказала Вероника.

Макс медленно опустил глаза. Посмотрел на свою грудь.

На алое пятно, расплзающееся по серой ткани. На капли, стекающие вниз, к поясу джинсов.

— Воскресенская, — сказал он очень тихо. — Беги, если можешь.

— Не могу, — пискнула она.

— Почему?

— Ноги не слушаются.

— Плохо.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него.

Секунду они стояли неподвижно, как два хищника перед схваткой.

А потом Макс сунул руку в ведро.

— НЕ СМЕЙ! — заорала Вероника.

Было поздно.

Глава 12

Он зачерпнул полную ладонь красной краски и с размаху приземлил её на грудь Вероники.

— А-А-А! — заверещала она.

Его рука размазывала краску по её футболке — широко, щедро, с наслаждением. Красное расплзлось по белой ткани, капало на джинсы, на пол, на строительный целлофан.

— Ты вообще из ума выжил?! — заорала она, пытаясь отпихнуть его.

— А ты?

— Это моя последняя чистая футболка!

— Это моя последняя чистая худи!

— Ты сам виноват! Нечего было лазить по чужим вёдрам!

— А ты нечего было дёргать!

— Я дёрнула, потому что ты ведёшь себя как...

— Как кто?

— Как... — Она задохнулась от негодования. — Как невыносимый, самовлюблённый, эгоистичный...

— Эпитеты, эпитеты, — подсказал он, набирая ещё одну порцию краски. — Ты на репетиции лучше подбирала.

— Не смей! — Она попыталась закрыться руками, но он уже приложил ладонь к её плечу, оставляя яркий отпечаток.

— Макс!

— Что, Макс?

— Я тебя убью!

— Попробуй.

Она запустила руку в ведро.

Краска брызнула во все стороны. Она целилась ему в лицо — попала в шею. Он ответил — заляпал ей щёку. Она завизжала и набрала ещё краски. Он отскочил, но недостаточно быстро — красная полоса украсила его джинсы от бедра до колена.

— Это были мои любимые джинсы! — возмутился он.

— А это — моя любимая футболка! — Она ткнула пальцем в свою грудь, запачканную уже по самое не балуйся.

— Ты сама её заляпала, когда красила стену!

— Это была художественная задумка! А это — вандализм!

— Вандализм — это красить книжный магазин в красный цвет!

— Я не крашу его в красный! Мне привезли не тот цвет!

— А мне привезли ту девушку, которая не умеет контролировать свои руки!

— Ах, у меня руки не из того места? — Она шагнула к нему, размахивая красной ладонью. — Да я этими руками половину всего здесь отремонтировала! Я розетки меняла! Я светильники вешала! А ты только пальцем тыкать умеешь!

— Я не тыкаю, я руковожу!

— Нет такого слова — «руковожу»!

— Теперь есть!

Он снова запустил руку в ведро, но краска там уже кончилась. Они оба посмотрели на пустую ёмкость, потом друг на друга.

Вероника тяжело дышала.

Макс — тоже.

Они стояли посреди её половины, забрызганные красным с ног до головы, и напоминали двух участников неудачного эксперимента по переработке помидоров.

— Ты похож на убийцу, — выдохнула Вероника.

— А ты — на жертву.

— Не остроумно.

— Я устал, у меня краска в ботинках.

— Сам виноват.

— Знаю.

Он провёл рукой по лицу, размазывая красное по щеке. Посмотрел на свои пальцы.

— Чёрт, — сказал он без особого удивления. — В глаз попало.

— Промой.

— Где?

— В подсобке раковина есть.

Он кивнул и пошёл в указанном направлении.

Вероника осталась стоять посреди комнаты, глядя на ведро-убийцу.

— Краска для дерева, — прочитала она на этикетке. — Для наружных работ.

Она закрыла глаза.

— Я заказывала «Песчаная дюна», — сказала она в пустоту. — Акриловая, для внутренних работ, матовая.

— Сочувствую, — донеслось из подсобки, сопровождаемое звуком льющейся воды.

— Не нужна мне твоя жалость.

— А что тебе нужно?

Вопрос повис в воздухе.

Вероника открыла рот, чтобы ответить что-то колкое, но слова застряли в горле.

Что ей нужно?

Новая краска. Новые джинсы. Новая футболка. Новый поставщик, который не перепутает заказ. Новый график, в котором будет хотя бы шесть часов сна.

И чтобы Макс перестал смотреть на неё так, будто пытается прочитать что-то между строк.

Он вышел из подсобки, вытирая лицо бумажным полотенцем. Краска с рук смылась почти полностью, но на шее осталось красное пятно. И на худи. И на джинсах.

— У тебя на шее, — сказала Вероника.

— Где?

— Сзади. Не достанешь.

— Игнорирую.

— Будешь ходить с пятном, как вампир после обеда.

— Тематично. Для кафе подойдёт.

Она фыркнула.

Макс посмотрел на неё. Потом на ведро.

— Ты заказывала бежевый, а привезли красный, — сказал он.

— Да.

— И что будешь делать?

— Не знаю. — Она устало опустила на коробку с плиткой. — Перезаказывать. Ждать ещё неделю. Красить в бежевый, если успею. Красить в красный, если не успею и сойду с ума.

— Красный — хороший цвет.

— Для пожарной сигнализации.

— Для книжного тоже. — Он пожал плечами. — Ярко.

Запоминается.

— Я не хочу ярко. Я хочу уютно.

— Красный может быть уютным. Вишнёвый, бордовый, терракотовый. — Он помолчал. — Не обязательно пожарная машина.

Она посмотрела на него.

— Ты сейчас серьёзно советуешь мне дизайн интерьера?

— Я сейчас пытаюсь тебя утешить, — сказал он. — Плохо получается, я знаю.

Она не ответила.

Он стоял посреди её половины, красный, как чертёнок, и пытался её утешить.

Это было так нелепо, так невозможно, так... по-человечески, что у неё зашипало в носу.

— У тебя краска в волосах, — сказала она.

— Где?

— Там. — Она указала. — На затылке.

— Достанешь?

Она поднялась. Подошла ближе.

Он стоял неподвижно, пока она рассматривала его затылок. Волосы были влажные после мытья, и красное пятно пряталось у самой шеи.

— Есть, — сказала она. — Небольшое.

— Смой.

— Я не дотянусь. Ты выше.

— Попробуй.

Она взяла влажное полотенце, которое он бросил на раковину, и привстала на цыпочки.

Близко. Слишком близко.

Она тёрла пятно, стараясь не касаться его кожи пальцами.

Он стоял неподвижно, опустив руки.

— Всё, — сказала она, отступая. — Смыла.

— Спасибо.

— Не за что.

Он повернулся к ней.

Они стояли в полуметре друг от друга, и воздух между ними снова стал густым, как старый мёд.

— Вероника, — начал он.

— Макс! — раздалось с его половины. — Ты здесь? Там прораб пришёл, говорит, с вентиляцией проблема!

Он вздохнул. Опустил плечи.

— Иду, — крикнул он.

Посмотрел на неё.

— Я позвоню поставщикам, — сказал он. — У меня есть знакомый в «Краска-Балт». Скажу, чтоб перезвонили тебе.

— Не надо.

— Надо. — Он уже шёл к двери. — Бежевый, матовый, для внутренних работ. Я понял.

— Макс.

Он обернулся.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул и ушёл. Вероника осталась одна посреди своей красной, бежевой, серой, недокрашенной, недоделанной, незаконченной половины.

На футболке расплывалось пятно в форме его ладони. Она смотрела на него долго. Потом взяла телефон и написала поставщикам претензию. Руки пахли краской.

И им. Она не знала, что хуже.

Глава 13. Тяжелая артиллерия

Следующий день не предвещал ничего нового.

Вероника, уставшая ещё до того, как открыла глаза, плелась по Курортному проспекту к своей новой "работе". Спала она сегодня четыре часа — как раз столько, чтобы чувствовать себя овощем, но при этом не упасть в обморок прямо на стройке.

Окна кафе Макса были затянуты защитной плёнкой, сквозь которую угадывались очертания интерьера. И стены. Стены просвечивали довольно явно. Тёмно-зелёные.

Вероника остановилась. Прищурилась. Присмотрелась.

Тёмно-зелёный. Глубокий, насыщенный, с отливом в бутылочный.

— Вот же гад, — пробормотала она.

И зашла внутрь. Своя половина встретила её запахом строй материалов и недостроенного счастья. Вероника с трудом размяла спину, хрустнула шеей и приступила к работе. Она шкурила высохшие стены на тех участках, где уже её нормы «ровности» внезапно оказывались на уровне «и так пойдёт».

Через час у неё затекла уже и шея, и руки, и, кажется, левая пятка. Зато к этому времени привезли новую краску. Бежевым стенам всё же быть. А красные пятна на волосах так и не отмылись, между прочим.

Вероника осмотрела помещение. Для того, чтобы приступить к покраске ей нужно было отодвинуть от стены коробки со стеллажами и несколько коробок с книгами, которые привезли неожиданно рано. Девушка встала рядом с коробками, собираясь с духом. Стоило её только наклониться, ухватить пальцами края картона, как по комнате эхом разошёлся голос Марины.

— Варенье, привет!

Вероника вздрогнула, от неожиданности она не удержала на весу тяжёлый стеллаж, и он приземлился ровнёхонько на её ногу.

— Чёрт! — Она обернулась. — Марина! Ты чего подкрадываешься?

— Я не подкрадываюсь. — Марина стояла в дверях в потёртых джинсах, растянутой футболке и с волосами, собранными в нечто среднее между пучком и художественным беспорядком. — Я громко вошла. Ты просто в творческом транссе.

Вероника открыла рот, чтобы возразить, и тут заметила, что Марина не одна. За её спиной стоял парень. Высокий. Светловолосый. С ямочками на щеках и такой открытой улыбкой, что сразу хотелось спросить: «Ты чего такой довольный? Вместо солнца решил сиять?».

— А это кто? — спросила Вероника.

— Это Миша, — объявила Марина тоном феи-крёстной, представляющей принца. — Я привела тебе помощника.

— Помощника?

— Ну да. Руки лишними не бывают.

Миша шагнул вперёд и кивнул:

— Мы на самом деле виделись.

Вероника нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— В «Бризе», — подсказал Миша. — Я тоже с ребятами иногда в мяч гоняю.

— А, — протянула Вероника, хотя ничего не вспомнила. Но лицо действительно казалось знакомым. — Точно.

— В общем, — продолжил Миша, — я услышал, что ты тут сама всё делаешь, решил: ещё одни руки не помешают.

Вероника посмотрела на него. Потом на Марину. Потом снова на него.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. — Он улыбнулся, ямочки стали глубже. — У меня выходной, а дома сидеть скучно.

— О Боги! Спасибо! Я тааак долго всё делаю, что начинаю подозревать: нанять бригаду было бы дешевле, чем платить аренду во время ремонта. — Она вздохнула. — Макс наверняка уже почти закончил.

— А он здесь? — Миша оглянулся на дверь.

— Он за стенкой. — Вероника махнула рукой в сторону соседней половины. — Не в буквальном смысле. Его помещение за стенкой. А сам он, наверное, ручки бережёт.

«Как и его дружок Игорь», — мысленно добавила она. Слабаки!

— Ой, а давайте посмотрим, как у него там? — предложила Марина с энтузиазмом ребёнка, увидевшего запретную дверь.

— Чего смотреть? — Вероника пожала плечами. — Наверняка всё тёмное, мрачное и пафосное.

— Интересно же! — Марина уже шла к выходу. — Пошли, пошли, одним глазком.

— Марина, там рабочие...

— Мы быстренько.

Вероника вздохнула и поплелась за ней. Миша присоединился. Они приоткрыли дверь в соседнюю половину и сунули носы внутрь. Рабочие были заняты — двое что-то монтировали у дальней стены, третий что-то творил с полом. На них никто не обратил внимания. А посмотреть было на что.

Тёмное дерево столов. Кожаные диваны, пока что затянутые защитной плёнкой, но угадывалась добротная, тяжёлая фактура. Бронзовые светильники. И стены. Тёмно-зелёные. Именно такие, как она видела с улицы.

— Ничего себе, — выдохнула Марина.

— Дорого, — согласился Миша.

Вероника молчала. Она смотрела на бронзовые светильники и думала о том, что у неё — шарики. Красно-белые, смешные, почти детские. А у него — бронза. Взрослая. Солидная. И ей её светильники нравились намного больше.

— Не зря Макс с Кристиной сошёлся, — пробубнил Миша задумчиво.

Вероника замерла. Марина замерла тоже. Потом они переглянулись между собой — тем особенным взглядом, который женщины используют, когда одновременно думают: «Что-о-о?» и «Мы сейчас это выясним».

Схватив Мишу за обе руки, они синхронно развернулись и потащили его обратно, в книжный.

— Кто такая Кристина? — спросила Вероника, закрывая дверь.

Миша переводил взгляд с одной на другую с выражением лица человека, который только что понял, что сболтнул лишнего, и теперь ищет путь к отступлению.

— Нет-нет-нет, — он замотал головой, светлые волосы взметнулись. — Я ничего не знаю, ничего не скажу.

— Колись, партизан, — Марина упёрла руки в бока.

— Девчонки, не моё это дело.

— Теперь твоё, — отрезала Вероника. — Рассказывай давай.

Миша тяжело вздохнул и посмотрел на дверь, как на единственный шанс на спасение. Дверь была далеко.

— Не успеешь, — процедила Вероника, перехватывая его план.

— Ну, — он замялся. — Она дочка инвестора. Соболева. Не знаю, что там и как. Просто... ну она везде с ним.

Вероника смотрела на него.

Внутри неё что-то происходило. Что-то горячее, не очень приятное и очень знакомое. Она называла это «праведным

гневом», но на самом деле это была обычная ревность, замаскированная под возмущение.

— И давно? — спросила она максимально ровным голосом.

— Я не знаю. — Миша пожал плечами. — Пару месяцев, наверное. Она постоянно на футбол приходит. Сидит, смотрит, хлопает. В туфлях. На газоне.

— В туфлях на газоне? — переспросила Марина.

— Ну да. — Миша скривился. — Мы потом дыры закапывали.

— Это неважно, — перебила Вероника. — Важно другое. Он с ней встречается?

— Я не знаю. — Миша выглядел так, будто мечтал провалиться сквозь землю прямо сейчас. — Они вместе приходят. Вместе уходят. Но Макс о ней не говорит. Никогда.

— А она?

— Она говорит. Всё время. "Макс то, Макс се, Макс любит трюфели, Макс не любит, когда шумно". — Миша поморщился. — Она вообще много говорит.

Вероника тяжело задышала. А Макс посмел ей, Веронике, что-то предъявлять?

Да она ему...

Она ему...

— Варенье, ты как? — осторожно спросила Марина.

— Нормально.

— Ты дышишь как паровоз.

— Я всегда так дышу, когда крашу.

— Ты не красишь.

Вероника посмотрела на свои руки как будто кисточка или валик волшебным образом должны материализоваться в её руках.

— Я передохнуть решила.

— Ага, — сказала Марина. — Конечно.

Миша переминался с ноги на ногу, явно не зная, куда себя деть.

— Может, мне пойти? — предложил он. — А то я, кажется, не туда зашёл.

— Стоять, — сказала Вероника. — Ты обещал помочь.

— Я не обещал, я предложил.

— Теперь обещал.

Он вздохнул и покорно направился к коробкам. Вероника смотрела на стену, разделяющую их половины. Кристина.

— Марин, — позвала она тихо.

— Что?

— Ты знала?

— Нет. — Марина подошла ближе. — Честно. Он мне не рассказывает. Я думала, у него просто инвестор.

— Я ему устрою, — пообещала Вероника в пространство.

— Что устроишь?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Мечь?

— Мечь — громко сказано. Скорее... справедливое воз-

мездие.

— За что?

Вероника открыла рот... и закрыла.

Действительно, за что?

За то, что он живёт своей жизнью? За то, что у него есть инвестор с дочкой? За то, что он не спрашивал у неё разрешения?

— Он мне предъявлял, — сказала она наконец. — За Игоря. За Мишу теперь, наверное, будет.

— Будет, — согласилась Марина. — Я его знаю.

— А у самого — Кристина.

— Ага.

Вероника посмотрела на неё. Марина сдерживала улыбку.

— Ты чего лыбишься?

— Ничего. — Марина пожала плечами. — Просто забавно.

— Что забавно?

— Что ты так завелась из-за какой-то Кристины.

— Я не завелась. Я возмущена.

— Одно и то же.

— Разное.

— Ага.

Они помолчали.

Миша усердно перетаскивал коробки, делая вид, что абсолютно, совершенно, категорически ничего не слышит.

— Ладно, — сказала Вероника решительно. — Работаем.

Она взяла кисточку.

Но перед этим подошла к стене, отделяющей её половину от его, и постучала костяшками.

Тук-тук-тук.

С той стороны никто не ответил.

— Это тебе, Макс, — сказала она тихо. — Аванс.

— Что ты делаешь? — спросила Марина.

— Общаюсь с соседом.

— Стуком?

— Это азбука Морзе.

— А что ты ему сказала?

— Что он козёл.

— Вряд ли он знает это язык.

— Главное, что я сказала.

Марина закатила глаза, но спорить не стала.

До вечера они работали втроем. Миша оказался на удивление полезным — он и стеллажи двигал, и коробки таскал, и даже покрасить помог там, где Вероника не дотягивалась. К шести вечера 3 стены обрели почти законченный вид.

— Спасибо, — сказала Вероника Мише, когда они закончили. — Ты реально спас.

— Обращайся. — Он улыбнулся. — Мне понравилось.

Вероника в благодарности обняла Михаила. Именно в это время Максим решил, что самое время проведать соседку.

— А я смотрю ты времени зря не теряешь.

Романовский не сводил глаз с Вероники. Она, услышав

его голос, очень медленно отстранилась от Миши, при этом её рука осталась лежать на его плече.

— Да, тужусь в поте лица, как видишь. Ты что-то хотел?

— Ничего. Ровным счётом ничего, — Макс наконец перевёл тяжёлый взгляд на своего друга, а затем на сестру.

— Ну пока. У нас с Мишей её планы.

Романовский с секунду постоял на пороге, а потом ушёл, громко хлопнув дверью.

Глава 14. Опоздание

Вероника влетела в общий коридор на пару часов позже обычного. Растрёпанная, запыхавшаяся, с пятном от кофе на футболке и таким выражением лица, будто она только что пробежала марафон и теперь подозревает, что организаторы специально удлинители дистанцию. Дверь в её половину была открыта. В проёме стоял Макс.

Сложив руки на груди. Прислонившись плечом к косяку. С видом человека, который уже час делает вид, что проверяет что-то в телефоне, но на самом деле просто ждёт и считает минуты.

— О, — выдохнула Вероника. — Ты чего тут пасёшься?

— Доброе утро, — сказал Макс. — Вероника.

— Доброе.

Она попыталась протиснуться мимо него в своё помещение. Он не двинулся.

— Пропусти.

— А ты что спешишь? Судя по времени не очень. — Он приподнял бровь.

— У меня будильник не сработал.

— Будильник.

— Да.

— Не сработал.

— Именно.

— И поэтому ты пришла в начале двенадцатого.

— Ты смотри какой тайм-менеджер нарисовался.

— Да, я молодец.

— Поздравляю. Хочешь, в рамочку твою фотку повешу?

Макс усмехнулся, но с места не сдвинулся.

— А может, дело не в будильнике? — спросил он вкрадчиво. — Может, у кого-то была тяжёлая ночь?

Вероника замерла.

— В смысле?

— Ну, — он пожал плечами с преувеличенной невинностью, — я просто подумал: вчера вы с Мишей так мило общались, строили планы... Может, планы удались?

Она смотрела на него.

Внутри начало закипать чайник. Вот-вот засветит.

— Ты сейчас серьёзно?

— А что? — Он продолжал изображать невинность. — Я ж не лезу. Просто интересно, как быстро мои друзья станут твоими... помощниками.

— Макс.

— Миша — хороший парень. Надёжный. Я просто беспокоюсь, что он может не рассчитать время. А Игорь всё? Спикан со счетов?

— Ты беспокоишься за Мишу? Или за Игоря?

— За тебя. Вдруг он тебя до утра заболтал? Ты же у нас вежливая, не выгонишь.

— Я выгоню кого угодно.

— Правда? А вчера что-то не выгнала.

— А зачем мне выгонять хорошего человека, который к тому же пришёл мне помочь.

— А объятия — теперь новый способ благодарности?

— А что, есть старый?

— Ну не знаю. Можно по плечу там похлопать.

— Ага, и за ушком почесать.

— Хорошо. — Он наконец отошёл от косяка, освобождая проход. — Проходи уже, труженица.

Она ворвалась внутрь и замерла. Её половина встретила запахом краски, пыли и строительного беспорядка. Три стены были уже готовы, так что нужно было браться за последнюю и наводить порядок.

— Красота, — сказал Макс, заходя следом и оглядываясь.

— Прямо дух захватывает.

— Захлопнись.

— Я про ремонт. Ты всё ещё на стадии "ой, а что это за стена"?

— Я на стадии "кто пустил соседа без стука".

— Дверь была открыта.

— Я знаю. Это я Марине оставила.

— А пришёл я. Сюрприз.

Она скинула рюкзак на пол и повернулась к нему.

— Слушай, у тебя там своя стройка. Иди туда.

— Там всё под контролем.

— А у меня — нет. Я тут одна, между прочим, уже кото-

рый день пашу.

— Одна? — Он обвёл взглядом помещение. — А вчера я, кажется, видел двоих. Ты и Миша. Или мне показалось?

— Миша помогал. По-человечески. Бесплатно. Если ты не заметил.

— Я заметил. Особенно как он "помогал".

— Что это значит?

— Ничего. — Он пожал плечами. — Просто интересно, он всем так помогает или только тем, кто вчера обнимался на прощание?

— Мы не обнимались на прощание.

— Я своими глазами видел.

— Ты видел, как я его поблагодарила.

— Руками на плечах — это благодарность?

— А чем ещё благодарить? Медаль выписать?

— Можно было просто сказать "спасибо".

— Я сказала.

— И обняла.

— И обняла. — Она скрестила руки на груди. — У тебя с этим проблемы?

— У меня? Никаких. — Он засунул руки в карманы. — Мне вообще всё равно, с кем ты там обнимаешься.

— Правда?

— Правда.

— Тогда какого чёрта ты стоишь в моём помещении в субботу утром и комментируешь мои способы благодарности?

Он открыл рот... и закрыл.

Вероника ждала.

— Я зашёл проверить, — сказал он наконец. — Ты обычно в девять приходишь. В десять я подумал — может, случилось что. В одиннадцать решил зайти.

— Волновался?

— Нет. Просто... привык уже к шуму. Тишина подозрительная.

— А, ну да. Тишина. Конечно.

— Что?

— Ничего.

— Ты так сказала, будто не веришь.

— Я всё сказала ровно. Тебе показалось.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него. Где-то за стеной загудела дрель.

— Ладно, — сказал Макс. — Я пойду.

— Иди.

— А ты давай работай. А то к открытию не успеешь.

— Успею.

— А Мишу звать будешь?

— А тебе какое дело?

— Мне никакого.

— Вот и отлично.

Он сделал шаг к двери, но остановился.

— Только учти, — сказал он, не оборачиваясь. — Миша — парень простой. Он может неправильно понять.

— Что именно?

— Твою благодарность.

— Я как-нибудь сама разберусь, что кому говорить и как благодарить.

— Ну-ну.

— И вообще, — добавила она, — ты бы лучше разобрался в своих отношениях с Кристиной.

Он резко обернулся.

— Что?

— Ничего. — Она невинно похлопала ресницами. — Просто к слову пришлось.

— Откуда ты...

Вместо ответа Вероника выгнула бровь и сложила руки на груди.

— Ну Мишаня...

Макс сжал челюсть.

— Это не то, что ты думаешь.

— А я ничего не думаю. — Она взяла со стола шпатель и принялась демонстративно его рассматривать. — Мне вообще всё равно, с кем ты там ходишь.

— Правда?

— Правда.

— Тогда зачем ты спросила?

— Я не спросила. Я просто упомянула. В рамках светской беседы.

— Мы не ведём светскую беседу.

— А что мы ведём?

— Я не знаю. — Он провёл рукой по волосам. — Но это точно не светская беседа.

— Согласна.

Повисла пауза.

Вероника отложила шпатель и подошла к банкам с краской.

— Мне работать надо, — сказала она. — Если ты не заметил, у меня ещё одна стена не покрашена и коробки не распакованы.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Вероника стояла посреди недоделанного помещения и смотрела на стену, за которой он сейчас, наверное, делает то же самое — стоит и смотрит.

— Козёл, — сказала она стене.

Она подошла к коробкам, пнула одну ногой.

— И Кристина твоя тоже.

Коробка не ответила.

— И Миша. И Марина. И все.

Коробка молчала. Вероника вздохнула, открыла банку с краской и взяла валик.

Глава 15. Температура и прочие неприятности

Вероника продрогла до костей ещё вчера. А сегодня, кажется, начала замерзать изнутри. Она сидела на коробке с книгами, спрятав руки в рукава потёртого худи. За окном всё ещё было солнечно, кто-то из местных даже купался. Но с Вероникой происходило что-то не то. В добавок ко всему у неё теперь не было батарей.

Совсем.

Вчера пришли рабочие, сказали: «Мы на полдня, систему поменяем, девушка, не волнуйтесь». Полдня растянулись на сутки. А за ночь помещение остывало очень сильно, так что с утра, когда она пришла было ощущение, что при каждом выдохе изо рта должен идти пар.

Вероника сначала пыталась работать в куртке, потом в двух куртках, потом плюнула и ушла домой греться. Дома было теплее. Но ненамного.

Горячий чай, три пледа, обогреватель, включённый на максимум, — Вероника перепробовала всё. К утру следующего у неё заложило нос, запершило в горле и начало ломить суставы.

— Я не больна, — сказала она пустой квартире. — Я просто слегка переохладилась.

Квартира молчала. Квартиры вообще редко участвуют в разговорах.

Телефон пиликнул. Сообщение от Макса: «Ты где? Уже обед, а твоя дверь закрыта».

Вероника посмотрела на экран. Написала: «Отсыпаюсь».

Ответ пришёл через минуту: «Ты никогда не отсыпаешься. Ты даже в воскресенье в восемь на стройке».

«Сегодня исключение».

«Заболела?»

«Нет»

«Врёшь»

«Не твоё дело»

«Ну и как хочешь»

Она закатила глаза и отложила телефон в сторону.

На следующий день ей стало хуже.

Градусник показывал 38,3. Горло болело так, будто туда насыпали битого стекла. Нос окончательно заложило, и дышать приходилось ртом, что вызывало новые приступы кашля.

Вероника лежала на диване, укутанная во всё, что нашла в шкафу, и смотрела в потолок.

— Я умру здесь, — сообщила она потолку. — И никто не придёт. Потому что я никому не нужна. В состоянии немогущности Вероника упивалась жалостью к себе, совершенно забыв и о подруге, и о маме, и даже о Мише и Степане Алексеевиче.

Телефон пиликнул. Писал тот, о ком она подумала бы в последнюю очередь.

«Ты где?» — Макс.

«Дома».

«Второй день?»

«Я отдыхаю».

«Ты не умеешь отдыхать».

«Учусь».

«Температура?»

«Нет».

Вместо новой смски Макс позвонил, но Вероника просто сбросила звонок.

«В чём дело? Ты обменяла голос на ноги?»

Она посмотрела на экран. Потом набрала голосовое: «Мой голос в полном порядке». Получилось сипло, хрипло и совсем не в порядке.

Через минуту пришёл ответ: «Ты врёшь так же плохо, как в школе».

Она усмехнулась и тут же закашлялась.

Минут через двадцать она провалилась в тяжёлый, беспокойный сон. Ей снились батареи. Огромные, горячие батареи, которые она пыталась обнять, но они отодвигались. И Макс. Который стоял рядом и говорил: «Я же говорил тебе нанять бригаду».

— Иди ты, — прошептала она во сне.

Разбудил её звонок в дверь. Настойчивый, долгий, не пре-

кращающийся. Вероника с трудом разлепила глаза. В комнате было светло — за окном уже день. Телефон показывал 16:32. Она проспала больше четырёх часов.

За звонком последовал назойливый стук.

— Открывай, Варенье, — раздалось из-за двери.

Макс. Вероника застонала.

— Уходи, — крикнула она. Получилось жалобно и сипло.

— Не уйду.

— Уходи.

— Открывай.

— Нет.

— Вероника, открывай, или я звоню Марине. Она умеет открывать двери без ключа.

— Она не умеет.

— Вероник, пожалуйста, открой.

Пауза. Вероника посмотрела на дверь. Потом на себя. Волосы торчат во все стороны, лицо опухшее, на плече пятно от пролитого чая.

— Я не могу открыть, — сказала она. — Я страшная.

— Я обязательно это переживу. Открывай.

Она тяжело вздохнула, что вызвало новый приступ кашля. Кое-как встала с дивана, натянула плед на плечи и поплелась к двери.

Открыла.

Макс стоял на пороге с пакетом из аптеки в одной руке и бумажным стаканчиком с кофе в другой.

— Боже, — сказал он, глядя на неё. — Ты зелёная.

— Заткнись, а.

— Ладно-ладно. — Он шагнул внутрь, не дожидаясь приглашения. — Ложись обратно. Я сам.

— Ты сам — что?

— Чай, лекарства, градусник. — Он прошёл на кухню, поставил пакет на стол. — У тебя аптечка где?

— В ванной.

— Иди ложись.

— Я не могу лечь, у меня гость.

Брови Макса взлетели вверх. Он посмотрел на неё как на инопланетянку.

— Это даже оскорбительно.

Она хотела возразить, но организм решил иначе — ноги подкосились, и она чуть не села на пол. Макс подхватил её за секунду до падения.

— Твою ж, — выдохнул он. — Ты вообще, как сюда дошла?

— На руках? — предположила она.

— Остроумная. — Он довёл её до дивана и усадил. — Сиди. Не вставай. Я быстро.

Она сидела и смотрела, как он возится на кухне. Гремит посудой, открывает холодильник, закрывает, снова гремит.

— У тебя есть только хлеб, масло и половинка лимона, — донёсся его голос.

— Я собиралась купить.

— Когда? В следующем году?

— Сегодня. Но я заболела.

— А, ну да. Заболела. Конечно. Это было позавчера, кстати. И тебе не стоило работать до вечера в помещении без отопления.

— Откуда ты...

— Рабочие мои сказали.

Он вернулся с чашкой чая, таблетками и бутербродом с маслом.

— Ешь. Пей. Лечись.

Она взяла чашку. Руки дрожали.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— На здоровье.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он сел на корточки напротив, чтобы быть на одном уровне. Она посмотрела на него.

— Ты волновался?

— Нет. — Он отвёл взгляд. — Просто заметил, что дверь закрыта.

— Третий день замечаешь?

— Ну.

— И решил проведать?

— Ага.

— С лекарствами и бутербродами?

— Там ещё градусник есть. В пакете.

— Макс.

— Что?

— Спасибо.

Он кивнул. Посидел ещё немного, помог ей обратно устроиться в кровати. Сытая Вероника под действием лекарств довольно быстро снова уснула. Максим с минуту просто смотрел на неё, как дрожали её веки, как колыхалась прядка волос при каждом выдохе. Он протянул руку, поправил её волосы и ушёл.

Глава 16. Тестовый завтрак и другие испытания

Вероника выздоравливала медленно, но верно.

Через три дня температура отпустила, горло перестало напоминать наждачную бумагу, и она наконец-то смогла вдохнуть полной грудью, не заходясь в кашле.

— Я снова живая, — объявила она пустой квартире.

Квартира традиционно промолчала.

Телефон пиликнул. Миша: «Как самочувствие? Может, сходим куда-нибудь проветриться?»

Эти три дня за ней приходил поухаживать все: и Марина, и Макс, и мама, и Миша. Так что сообщение от Михаила она прочитала с лёгкой улыбкой.

Вероника посмотрела на сообщение. Потом на себя в зеркало. Щёки впали, под глазами тени, но в целом — жить можно.

«Давай», — написала она. — «Только недолго. Я ещё слабая».

«Зато я сильный. Подстрахую».

Она усмехнулась.

Миша был хороший. Простой. Без подтекстов. С ним не надо было расшифровывать каждое слово, не надо было ждать подвоха. Он говорил то, что думал, и делал то, что го-

ворил.

Полная противоположность некоторым.

Вечером они встретились в «Бризе». Миша уже занял столик у окна — с видом на море, с двумя чашками кофе и маленьким пирожным, очевидно предназначенным ей.

— Для поднятия настроения, — объяснил он, кивая на пирожное.

— Я не болела так долго, чтобы мне требовалось поднимать настроение.

— А это просто так. Чтобы было.

Она улыбнулась.

— Ты хороший, Миша.

— Я знаю. — Он улыбнулся в ответ, ямочки на щеках стали глубже. — В этом моя проблема.

— Это не проблема.

— Это проблема, когда девушка говорит тебе, что ты хороший, и смотрит при этом сквозь тебя.

Она замерла.

— Я не смотрела сквозь тебя.

— Смотрела. — Он пожал плечами без обиды. — Но я привык. Ты вообще часто смотришь сквозь людей. Наверное, привычка из Москвы.

— Наверное, — согласилась она.

— Ничего. Я подожду. — Он отпил кофе. — Я вообще терпеливый.

— Миша...

— Всё, молчу. — Он поднял руки. — Давай лучше про книги. Ты мне обещала рассказать, что там у тебя будет в магазине.

И она рассказывала о будущем «Магазина историй». Вероника уже горела своим детищем, глаза сверкали, а речь лилась.

Миша слушал внимательно, задавал вопросы, улыбался в нужных местах.

Было легко.

Слишком легко.

Почти как с Максом когда-то. Только без этого щемящего чувства в груди.

И хорошо, — подумала Вероника. — Так и должно быть. Они вышли из «Бриза» около девяти.

Вечер был тёплый, сентябрьский, с запахом моря и остывающего асфальта. Миша предложил проводить её до дома — просто так, потому что «вечером одной ходить небезопасно».

— В Зеленоградске? — усомнилась Вероника.

— В Зеленоградске сейчас туристы. Всякое бывает.

— Ладно, убедил.

Они пошли по набережной. Миша рассказывал про свою работу — он был инженером, проектировал что-то связанное с вентиляцией, в чём Вероника не понимала ровным счётом ничего. Но кивала и делала заинтересованное лицо.

На углу перекрёстка, ведущему к её дому, они останови-

лись.

— Дальше я сама, — сказала Вероника. — Тут два шага.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Тогда... — Миша помялся. — Может, повторим?

— Может.

— Завтра?

Она рассмеялась.

— Ладно. Завтра. Но не обещаю, что буду в форме.

— Ты всегда в форме. — Он улыбнулся и, прежде чем она успела отшатнуться, чмокнул её в щёку. — До завтра.

И ушёл.

Вероника стояла, прижимая ладонь к щеке, и смотрела ему вслед.

«Миша», — подумала она. — «Целует в щёку. Как школьник. И это хорошо. Правда.»

Она повернулась к своему подъезду и замерла.

На скамейке у соседнего дома сидел Макс. Вероника не могла понять это выражение лица. Оно могло означать всё что угодно: от «привет» до «я только что видел, как тебя целовал мой друг».

— О, — сказала Вероника. — Ты чего тут?

— Воздухом дышу.

— У моего дома?

Он поднялся, подошёл ближе.

— Гуляла?

— Гуляла.

— С Мишей?

— С Мишей.

— Мило.

— Ага.

Пауза.

Он смотрел на неё. Она на него.

— Что? — спросила Вероника.

— Ничего. — Он отвёл взгляд. — Просто интересно, как ты так быстро переключаешься.

— О чём ты?

— Неважно.

— Ты о чём?

— Ни о чём. — Он уже шёл прочь. — Спокойной ночи,

Вероника.

— Макс!

Не обернулся.

Вероника смотрела, как его фигура растворяется в темноте.

— Глупости, — сказала она вслух.

И зашла в подъезд.

На следующее утро Макс был не в духе.

Это мягко сказано. Он был в бешенстве. В глухом, раздражённом, ничем не объяснимом бешенстве, которое копилось всю ночь и теперь рвалось наружу.

Кафе «11:11» ещё не открылось для посетителей, но уже работало в тестовом режиме. Друзья, знакомые, знакомые знакомых приходили, пробовали меню, оставляли отзывы. Макс лично контролировал каждую деталь — от температуры подачи до толщины нарезки хлеба.

Сегодня на тестовый завтрак пришёл Игорь.

— Доброе утро, — сказал Игорь, входя. — Ну и запах! Пальчики оближешь.

Макс кивнул.

Игорь сел за стойку, развернул меню.

— Что посоветуешь?

— Всё.

— Это не совет.

— Возьми тост с яйцом пашот.

Игорь посмотрел на него.

— Ты чего злой?

— Я не злой.

— Злой. — Игорь отложил меню. — Что случилось?

— Ничего.

— С Вероникой поругался?

Макс дёрнулся.

— С чего мне с ней ругаться?

— Ну, вы же соседи. Вечно то краска, то стены, то...

— Мы не ругались.

— А что?

— Ничего. — Макс взял полотенце и начал яростно про-

тирать и так чистую стойку. — Просто спал плохо.

— Из-за чего?

— Из-за тебя.

— Из-за меня?

— Из-за вас всех.

Игорь моргнул.

— А что мы сделали?

— Вы ничего не сделали. Вы просто существуете.

— Это плохо?

— Это раздражает.

— Понятно. — Игорь помолчал. — Мне уйти?

— Нет. Сиди. Ешь.

— Я, наверное, лучше просто кофе.

— Ты пришёл на тестовый завтрак. Надо тестировать еду.

— Я протестирую в другой раз.

— Другого раза не будет. — Макс швырнул полотенце на стойку. — Ты пришёл — ешь. Я готовил.

— Ты готовил?

— Я. Лично. С шести утра.

— А почему с шести?

— Потому что не спал.

— Из-за нас?

— Из-за себя!

Игорь поднял руки.

— Ладно-ладно. Давай свой тост.

Макс ушёл на кухню.

Через пять минут вернулся с тарелкой. Продолговатый кусочек хлеба еле виднелся из-под двух шариков яйца, сверху стекал белый соус. Всё идеально разложено, поджарено ровно так, как надо.

— Красиво, — признал Игорь.

— Ешь.

— Спасибо.

Игорь взял вилку, отрезал кусочек, отправил в рот.

— Вкусно, — сказал он с набитым ртом.

— Жуй нормально.

— Что?

— Жуй. С закрытым ртом.

— Я жую.

— Ты чавкаешь.

— Я не чавкаю.

— Чавкаешь. И локти со стола убери.

Игорь посмотрел на свои локти. Они лежали на стойке.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— С каких пор тебя волнуют мои локти?

— С тех пор как это моё кафе.

— Но здесь ещё никого нет.

— Я есть.

Игорь вздохнул и убрал локти.

— Пашот огонь, — сказал он примирительно. — Молодец.

— Спасибо.

— Тост поджарил ровно.

— Угу.

— Кофе какой?

— Эфиопия.

— Сильно.

Пауза. Игорь жевал, стараясь не чавкать. Макс стоял за стойкой, сжимая край столешницы так, что костяшки побелели.

Дверь открылась.

— Макс! — Голос, от которого у Макса свело скулы, ворвался в кафе вместе с запахом сладких духов. — А я тебя ищу!

Кристина вплыла в зал, мягко покачивая бёдрами. Сегодня она была в бежевом платье, которое идеально сидело по фигуре, и с макияжем, на который ушло, судя по всему, часа два. Тёмные волосы локонами спадали на плечи.

Игорь поперхнулся кофе.

— Кристина, — выдавил он.

— О, Игорь, привет! — Она улыбнулась ему, но тут же перевела взгляд на Макса. — Ты не отвечал на сообщения. Я волновалась.

Макс замер.

Секунду назад он был готов разорвать Игоря на части за то, что тот просто существует. Секунду назад он злился на весь мир, на Веронику, на Мишу, на себя.

А сейчас он смотрел на Кристину.

Красивую. Ухоженную. Которой он, по идее, должен быть рад.

Которая выбрала его.

Которая не смотрит на других.

И внутри что-то щёлкнуло.

Хорошо, — подумал он. — Хорошо. Если она может, то и я могу.

Он улыбнулся.

Не той кривой, натянутой улыбкой, которую обычно выдавливал при виде Кристины. А нормальной. Почти тёплой.

— Привет, — сказал он. — Ты рано.

Кристина замерла.

Игорь перестал жевать.

— Что? — переспросила Кристина.

— Говорю, рано ты. Я только завтрак начал.

— А... — Она явно не ожидала такого приёма. — Ну, я хотела тебя увидеть.

— Увидела. — Он вышел из-за стойки, подошёл к ней. — Кофе будешь?

— Буду.

— Садись.

Он подвёл её к стойке, усадил рядом с Игорем. Сам вернулся к кофемашине.

Игорь смотрел на это с открытым ртом.

— Ты чего? — прошептал он, когда Макс проходил мимо.

— Ничего.

— Ты сейчас улыбался.

— Я всегда улыбаюсь.

— Ты никогда не улыбаешься. Особенно ей.

— Сегодня исключение.

Игорь проводил его взглядом.

Макс тем временем колдовал над кофемашиной. Достал свежие зёрна, смолот, заварил. Поставил перед Кристиной чашку с идеальной пенкой.

— Эфиопия, — сказал он. — Попробуй.

Кристина смотрела на него как на инопланетянина.

— Спасибо, — осторожно сказала она.

— На здоровье. — Он оперся локтями о стойку напротив неё. — Как спалось?

— Что?

— Я спрашиваю, как ты спала.

— Я... нормально. — Она растерянно моргнула. — А ты?

— Плохо. Работы много.

— Ты слишком много работаешь.

— Знаю. — Он улыбнулся снова. — Но скоро всё наладится. Откроемся, будет легче.

— Ага...

Она отпила кофе.

— Вкусно, — сказала она.

— Я старался.

Игорь смотрел на эту сцену и чувствовал себя зрителем в

театре абсурда.

— Макс, — позвал он.

— Что?

— Ты в порядке?

— В полном. — Макс даже не повернулся к нему. — А что?

— Просто... — Игорь замялся. — Ты пять минут назад готов был меня убить за то, что я локти на стол положил. А теперь...

— А теперь пришла Кристина. — Макс перевёл взгляд на неё. — И я рад её видеть.

Кристина зарделась.

— Правда? — спросила она.

— Правда.

Она улыбнулась — искренне, по-настоящему, впервые за долгое время.

— Я тоже рада тебя видеть, Макс.

Игорь отложил вилку.

— Я, наверное, пойду, — сказал он.

— Сиди, — ответил Макс.

— Нет, правда. У меня дела. — Игорь встал. — Спасибо за завтрак.

— На здоровье.

Игорь вышел, но у двери обернулся.

Макс и Кристина сидели за стойкой. Она что-то рассказывала, жестикулируя. Он слушал, чуть наклонив голову.

И улыбался.

Игорь покачал головой и закрыл дверь.

Через полчаса Кристина ушла. Счастливая, с обещанием увидеться вечером.

Макс проводил её взглядом.

Улыбка сползла с лица, как только дверь закрылась.

Он подошёл к стойке, собрал посуду, отнёс в мойку.

Потом вернулся, сел на место Игоря и уставился в одну точку. Мысли летели как сорванные с деревьев жёлтые листья поздней осенью.

«Что я творю?»

«Она не виновата. Она правда ничего не сделала. Просто хочет быть со мной. А я...»

«А внутри — пустота. Потому что та, которая мне была нужна, сейчас за стеной. Красит стены. И, наверное, думает о Мише.»

Он сжал кулаки.

Из-за стены донеслись звуки — стук, шорох, её голос: «Ну куда ты полез, идиотский стеллаж».

Он усмехнулся.

Почти невольно.

— Дурочка, — сказал он тихо.

И пошёл мыть посуду. За стеной снова загрохотало.

— Да чтоб тебя! — донеслось оттуда.

Он улыбнулся. Снова. На этот раз по-настоящему.

Глава 17. Стеллажи и прочие неприятности

Вероника задержалась в магазине допоздна.

Сначала она думала: ещё часок, и домой. Потом этот часок растянулся на два. Потом на три. А теперь за окнами уже давно была ночь, фонари на Курортном проспекте отбрасывали жёлтые круги на пустую улицу, а она всё ещё стояла посреди своего почти готового книжного и смотрела на чёртов стеллаж.

— Ну почему ты не собираешься? — прошипела она в адрес деревянной конструкции, которая уже час сопротивлялась её попыткам превратить грудку досок в нечто, напоминающее мебель.

Стеллаж молчал. Стеллажам вообще плевать на человеческие страдания.

Вероника вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и оглядела поле боя.

Три стены были покрашены. Светильники-шарики висели на своих местах, насмешливо покачиваясь от сквозняка. Диванчик у окна сиротливо ждал, когда его освободят от защитной плёнки. А посередине комнаты, словно памятник её бессилию, возвышалась гора деталей от стеллажа, инструк-

ция на трёх языках (ни один из которых она не понимала, когда дело доходило до схем) и куча саморезов, которые норовили рассыпаться по полу при каждом неловком движении.

— Я сильная, — сказала она вслух. — Я умная. Я в Москве отделом продаж руководила. Я справлюсь с каким-то дурацким стеллажом.

Она схватила очередную доску и попыталась приладить её к тому, что отдалённо напоминало боковину.

Доска выскользнула из рук и с грохотом рухнула на пол.

— Да твою ж!

Вероника села прямо на пол, посреди всех этих досок, саморезов и собственного бессилия, и закрыла лицо руками.

— Я больше не могу, — прошептала она. — Я просто хочу домой. Я хочу, чтобы кто-то другой собирал эти стеллажи. Я хочу...

— Долго ты ещё тут греметь будешь?

Она вздрогнула и подняла голову. В дверях стоял Макс.

В джинсах, в тёмной толстовке, с взлохмаченными волосами.

— Ты чего тут делаешь? — спросила Вероника хрипло.

— Услышал грохот. Думал, ты убиваешься.

— Пока нет.

— А по виду — уже.

Она хотела огрызнуться, но сил не было. Только вздохнула и снова устала на стеллаж.

Макс помолчал. Потом шагнул внутрь, оглядел поле боя.

— Ты вообще инструкцию читала?

— Читала.

— И?

— И ничего не поняла.

— Дай сюда.

— Что?

— Дай сюда инструкцию. И иди в сторону.

— С чего бы?

— С того, что, если ты продолжишь это делать, к утру тут будет не стеллаж, а абстрактная композиция.

Вероника хотела возразить. Хотела сказать, что она сама справится, что он вообще не должен здесь находиться, что между ними стена и пусть он идёт за свою стену и не лезет.

Но сил не было.

Она просто протянула ему инструкцию и отодвинулась.

Макс подошёл к груде досок, присел на корточки, начал перебирать детали.

— Ты боковины перепутала, — сказал он через минуту.

— Они разные.

— Откуда я знала, что они разные? На картинке они одинаковые.

— На картинке они одинаковые, потому что картинка схематичная. В жизни — разные. — Он покачал головой. — Москва, блин.

— Заткнись.

— Помолчу.

Он взял шуруповёрт, который валялся тут же, и начал собирать.

Вероника сидела на полу, обхватив колени руками, и смотрела, как он работает.

Это было завораживающе.

У него были уверенные движения. Он не сомневался, куда прикручивать, не перемерял по десять раз, не матерился на инструкцию. Просто брал деталь, прикладывал, прикручивал. Ритмично. Спокойно.

— Где ты научился? — спросила она.

— В армии.

— Там учат собирать стеллажи?

— Там учат выживать. А стеллажи — это так, побочный навык.

Она усмехнулась.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Не за что. — Он даже не обернулся. — Ты бы до утра провозилась.

— Я бы провозилась. Но всё равно бы собрала.

— Ага. Из кривых досок и сломанной психики.

— У меня психика железобетонная.

— Я заметил. — Он вкрутил очередной саморез. — Железобетонная, но с трещиной.

— Это где?

— Там, где ты сидишь на полу и разговариваешь сама с собой.

— Я не разговаривала.

— Разговаривала. Я слышал.

— Подслушивать нехорошо.

— Я не подслушивал. Я мимо шёл. А ты тут вещала на весь коридор, что хочешь домой, и чтобы кто-то другой собрал стеллаж.

Она покраснела.

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Я имела в виду... — Она запнулась. — Неважно.

Он наконец обернулся.

— Что?

— Ничего.

— Вероника.

— Я сказала — ничего.

Он смотрел на неё. В темноте, при свете одинокой лампы, его глаза казались чёрными.

— Ты странная, — сказал он.

— Сам странный.

— Я в курсе. — Он отвернулся обратно к стеллажу. — Но ты страннее.

Она не ответила.

В комнате было тихо. Только шуршание деталей и его дыхание.

— Ты невыносим.

— Я знаю. Ты говорила.

— И ещё скажу.

— Говори. Мне не жалко.

Он прикрутил последнюю полку, отложил шуруповёрт и встал.

— Готово.

Вероника поднялась, подошла ближе.

Стеллаж стоял ровно. Красиво. Именно так, как на картинке, которую она показывала поставщику.

— Вау, — выдохнула она.

— Вау, — согласился он.

— Спасибо.

— Три раза уже сказала.

— Четвёртый не помешает. Спасибо.

Он усмехнулся.

— На здоровье.

Они стояли рядом, перед стеллажом. Слишком близко. В пустом магазине, ночью, при свете одной лампочки.

— Вероника... — начал он.

Дверь открылась.

— Вероника! Ты тут? Я тебе ужин принёс, думал, ты...

Миша замер на пороге.

С пакетом в одной руке и тёмной бутылкой в другой.

Его выражение лица медленно менялось от радостного до озадаченного.

— О, — сказал он. — Макс. Ты тоже тут.

Макс медленно повернулся к нему.

— Привет, Миша.

— Привет. — Миша переводил взгляд с одного на другого. — А вы чего?

— Стеллаж собирали, — ответила Вероника слишком быстро.

— А, понятно. — Миша шагнул внутрь. — Ну, я тоже помочь хотел. Думал, ты одна тут мучаешься.

— Я не одна.

— Вижу.

Пауза.

Макс стоял, засунув руки в карманы. Лицо — каменное. Почему-то именно сейчас разворот его плеч казался угрожающим

Миша поставил пакет на пол.

— Я, наверное, не вовремя?

— Нет, — сказала Вероника. — Всё нормально.

— Всё нормально, — повторил Макс. Голос у него был ровный. Слишком ровный.

Миша посмотрел на стеллаж.

— Красиво собрал, — сказал он Максусу. — Руки из нужного места.

— Спасибо.

Миша подошёл ближе, рассматривая конструкцию.

— А я вот не очень умею такое. — Он почесал затылок. — Думал, может, хоть поддержу морально. Или едой накормлю. — Он кивнул на пакет. — Там паста с морепродуктами.

Из того итальянского ресторана, ну, который открыли на набережной.

Вероника сглотнула. Паста пахла умопомрачительно, даже сквозь закрытый контейнер.

— Спасибо, Миш, — сказала она. — Это очень...

— Да не за что, — перебил Миша. — Ты же тут пашешь сутками. Я думал, покажусь, помогу, а помощь, видимо, уже не нужна.

— Нужна, — быстро сказала Вероника. — Тут ещё два стеллажа. Я сама с ума сойду.

Миша улыбнулся, но как-то неуверенно.

— Ну, я могу остаться. Если ты не против.

— Я не против.

Макс молчал.

Слишком долго. Слишком напряжённо.

— А ты, Макс? — спросил Миша. — Останешься?

— Нет, — сказал Макс. — Я, наверное, пойду.

— Да ладно тебе, — Миша хлопнул его по плечу. — Оставайся. Компанией веселее.

— Устал.

— Ну как хочешь. — Миша пожал плечами.

Макс направился к выходу. Мимо Миши. Не глядя на него.

Но у двери остановился.

— Миш, — сказал он, не оборачиваясь.

— А?

— А ты вообще когда планировал прийти?

— В смысле?

— В прямом. — Макс медленно повернулся. — Она тут с шести вечера. Одна. С этими стеллажами. Я зашёл — она на полу сидит, с досками разговаривает. Потому что уже час не может одну боковину прикрутить.

— Макс... — начала Вероника.

— Дай договорю. — Он поднял руку. — Ты принёс ужин. Это круто. Паста, вино, всё дела. А помочь — помочь она тебя не просила?

Миша замер.

— Я предлагал. Она сказала, что сама.

— Она всегда говорит, что сама. — Макс усмехнулся. — Шесть лет в Москве — это тебе не хухры-мухры, она привыкла рассчитывать только на себя. Но это не значит, что не надо приходить. Особенно когда она реально пашет.

— Макс, хватит, — сказала Вероника.

— Не хватит. — Он смотрел прямо на Мишу. — Ты её парень или кто?

— Я... — Миша запнулся. — Мы просто...

— Вот именно. — Макс кивнул. — Просто. А я тут собираю стеллажи, потому что не могу смотреть, как она мучается. Потому что я, видимо, дурак.

— Макс... — Вероника шагнула к нему.

— Всё, молчу. — Он поднял руки. — Я всё сказал.

Повернулся и вышел.

Дверь хлопнула.

Тишина.

Вероника смотрела на дверь. Миша смотрел на неё.

— Это что сейчас было? — спросил он тихо.

— Не знаю. — Она провела рукой по лицу. — Извини.

— За что?

— За него.

— А чего извиняться? — Миша подошёл к стеллажу, провёл рукой по полке. — Он прав.

— В чём?

— В том, что я мог прийти раньше. И помочь. А не только ужин приносить.

— Ты не обязан.

— Знаю. — Он повернулся к ней. — Но если я хочу быть с тобой, то, наверное, должен.

— Миша...

— Всё нормально. — Он улыбнулся, но улыбка вышла грустной. — Я просто думал, что у нас всё легко. А с ним, видимо, легко не бывает.

— С кем?

— С тобой и Максом.

Она открыла рот, чтобы возразить, и закрыла.

Потому что возразить было нечего.

Миша подошёл, взял её за руку.

— Слушай, — сказал он. — Я не знаю, что у вас там было. И есть. Но если ты выберешь его — я пойму. Только ты сама

определись, ладно?

— Миша...

— Нет, правда. — Он сжал её пальцы. — Я хороший парень. Я терпеливый. Но сидеть между вами и смотреть, как вы друг на друга смотрите... это слишком.

Он отпустил её руку.

— Я пойду. Пасту оставлю. Поешь.

— Миш...

— Спокойной ночи, Вероника.

Он вышел.

Тихо. Без хлопка.

Вероника осталась одна.

Среди стеллажей. Среди пахнувшей пасты. Среди собственных мыслей, которые разбегались, как тараканы.

Она подошла к стеллажу, который собрал Макс. Провела рукой по ровным полкам.

— Дурачок, — сказала она вслух.

Глава 19. Кино, попкорн и прочие недоразумения

Вероника смотрела на себя в зеркало и пыталась понять, зачем она так нарядилась.

Джинсы — новые, тёмные, идеально сидящие. Свитер — мягкий, серый, под цвет глаз, если щуриться и сильно хотеть. Волосы она распустила, хотя обычно собирала в хвост. За последние недели волосы снова обрели практически родной золотистый цвет из-за того, что она постоянно вымывала что-то после стройки. Даже накрасилась чуть ярче обычного.

— Это просто кино, — сказала она своему отражению. — Ты идёшь в кино с Мишей. Не на красную дорожку.

Отражение скептически приподняло бровь.

— И что ты на меня так смотришь? — возмутилась Вероника. — Я имею право хорошо выглядеть.

Отражение промолчало, но в этом молчании читалось: «Конечно, имеешь. Особенно если хочешь кому-то что-то доказать».

— Никому я ничего не доказываю, — огрызнулась Вероника. — Я просто иду в кино.

Спорить с собой было глупо. Она это понимала. Но остановиться не могла.

В конце концов, это было первое нормальное свидание

после возвращения в Зеленоградск. Первое, на которое она шла не чтобы уколоть Макса или доказать что-то Марине. Просто так. С Мишей. Который был хорошим. Который не бесил. Который не смотрел на неё так, будто она — его личная головная боль.

«Идеальный вариант», — подумала Вероника, поправляя волосы. — «Спокойный, надёжный, без подтекстов.»

Телефон пиликнул.

Миша: «Я уже у подъезда. Не торопись».

Она улыбнулась.

Вот. Даже не торопит. Идеальный.

Миша ждал у машины — старенького, но ухоженного «Фольксвагена». Увидев её, расплылся в улыбке, и ямочки на щеках стали такими глубокими, что туда можно было провалиться.

— Привет, — сказал он. — Ты красивая.

— Спасибо. — Она чуть смутилась. — Ты тоже ничего.

— Я старался. — Он открыл перед ней дверь. — Прощу.

Она села. В машине пахло чистящим средством и мятой — видимо, Миша тоже готовился.

— Волнуешься? — спросил он, садясь за руль.

— С чего бы?

— Ну, свидание. — Он пожал плечами. — Я вот волнуюсь.

— Ты?

— Ага. — Он улыбнулся. — Боюсь, что выберу не тот

фильм, и ты разочаруешься.

— Я не разочаруюсь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я вообще легко разочаровываюсь только в одном человеке.

Она сказала это и тут же прикусила язык.

Миша посмотрел на неё. В его взгляде мелькнуло что-то... понимающее?

— В Максе? — спросил он тихо.

— Неважно.

— Ладно. — Он завёл двигатель. — Тогда поехали смотреть кино. Я выбрал комедию. Глупую, лёгкую, без намёков.

— Звучит идеально.

— Я стараюсь.

Кинотеатр назывался «Заря» и находился в старом здании на главной площади Зеленоградска. Внутри пахло попкорном, ванилью и чем-то неуловимо советским — наверное, лепниной на потолке и тяжёлыми бархатными портьерами.

— Я куплю попкорн, — сказал Миша. — Ты какой любишь?

— Солёный.

— Правда? А я думал, все девушки любят сладкий.

— Я не все.

— Это я уже понял. — Он улыбнулся и направился к стойке.

Вероника осталась ждать в фойе, разглядывая афиши. Че-

рез пять минут должен был начаться сеанс, народу было немного — пара подростков, пожилая пара, компания студентов.

Она уже почти расслабилась, когда дверь с улицы открылась.

И вошёл Макс.

В чёрной кожаной куртке, с взлохмаченными кудрявыми волосами и Кристиной, повисшей на его согнутой руке.

Сегодня она была в коротком красном платье, совершенно не по погоде, и туфлях на таких каблуках, что любой другой человек сломал бы ноги на первом же шаге. Но она шла уверенно, цокая по плитке, и улыбалась так, будто только что выиграла в лотерею.

Вероника замерла.

Макс замер тоже.

Их взгляды встретились через всё фойе.

— О, — сказала Кристина, проследив за его взглядом. — Вероника! Какая встреча.

— Да, — выдавила Вероника. — Неожиданная.

— Вы тоже в кино? — Кристина подошла ближе, цокая каблуками. — С кем?

— С Мишей.

— А, с Мишей! — Кристина обернулась к Макс. — Милый, это же твой друг. Как мило. Мы можем сесть рядом?

— Кристина... — начал Макс.

— Что? Будет весело. — Она уже разглядывала Веронику.

— Вы на какой фильм?

— На мелодраму. — Вероника старалась говорить ровно.

— А вы?

— И мы на мелодраму. — Кристина вздохнула. — Макс не хотел, но я настояла. Мужчины должны иногда смотреть что-то романтическое, правда?

— Правда, — сказала Вероника.

Макс молчал. Он смотрел на неё так, будто пытался передать какое-то сообщение без слов. Но она не умела читать по губам, а в его глазах было слишком много всего, чтобы разобрать.

— Попкорн купили? — спросила Кристина.

— Миша покупает.

— О, Миша. — Кристина снова улыбнулась. — Он такой милый. И, кажется, очень старается.

В этот момент из очереди появился Миша. С двумя стаканчиками попкорна и двумя бутылками колы.

— Вероника, я взял... — Он увидел Макса и Кристину и замер. — О. Привет.

— Привет, Миш, — сказал Макс.

— Привет. — Миша переводил взгляд с одного на другого. — Вы тоже в кино?

— Ага, — пропела Кристина

Миша неловко переступил с ноги на ногу.

— Ну, мы пойдём, наверное. Скоро начало.

— Да-да, конечно. — Кристина махнула рукой. — При-

ятного просмотра.

Миша кивнул и пошёл к залу. Вероника за ним.

— Вероника, — окликнул Макс.

Она обернулась.

— Что?

— Ничего. — Он покачал головой. — Просто... приятного просмотра.

— Спасибо.

Она вошла в зал. В зале было темно и пахло попкорном

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.